

The image is a book cover for a novel. It features a man in a dark hat aiming a handgun. To the left, there is a black panther logo and a pair of sunglasses. The title is written in large orange letters at the top, and the subtitle is in black letters at the bottom.

**Александр
ЗОЛОТЬКО**

**ПОД ГРЯЗЬЮ —
ПУСТОТА**

Александр К. Золотько
Под грязью пустота
Серия «Наблюдатель», книга 3

текст авторский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157734

Александр Золотько Под грязью – пустота: АСТ, Фолио; Москва;

ISBN 966-03-0738-1

Аннотация

«Под грязью – пустота» – заключительный роман трилогии А.Золотько «Наблюдатель». Наблюдатель начинает сам вершить суд. Он теперь – часть силы и носитель ее. Она безлика. Но она – сила. И не важно, кто отдает приказы. Пролитая кровь смыла все: веру в справедливость, уверенность в своей нужности. Ты сам становишься беспредельщиком. Пустота засасывает Наблюдателя, тянет вниз. И теперь уже не отпустит его никогда. До самой смерти.

Содержание

Глава 1	4
Кровь	4
Наблюдатель	15
Боль	23
Наблюдатель	31
Суета	40
Глава 2	48
Наблюдатель	48
Суета	58
Пустота	62
Кровь	67
Суета	74
Наблюдатель	85
Глава 3	91
Суета	91
Кровь	97
Наблюдатель	108
Пустота	115
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Александр Золотько

Под грязью – пустота

Глава 1

Кровь

– Я не знаю. Я не знаю. Я не знаю! – с каждым разом женский крик поднимался все выше, – Я не знаю! Не знаю!

– Может, она и вправду ничего не запомнила? – спросил стоявший чуть в стороне Нолик, – Я бы на ее месте уже всех сдал.

– Ты бы точно – сдал, – обернулся к нему Кирилл, – и язык у тебя слабый, и натура ссыкливая.

– Это ты у нас из цельной деревяшки вырезанный, из дуба. Я себе в прошлом году палец дверью прибил – думал ежика рожу. А ты ей уже два ногтя снял.

– Два ногтя – не две руки. У нее еще восемнадцать осталось. Правда, милая?

Женщина всхлипнула и дернулась, словно пытаясь отползти. Косметика размазалась от слез и капель дождя, все тело колотила крупная дрожь.

– Я, правда, не знаю ничего! Все вам сказала... И ментам

то же самое рассказала. То же самое! Не нужно больше! Пожалуйста, не нужно!

Нолик вытащил из пачки сигарету и щелкнул зажигалкой:

– Так, может?..

– Может, – кивнул согласно Кирилл, – все может. Только мы должны знать наверняка. Ты слышал, что сказал Краб? Хозяин хочет знать все наверняка. Ты хочешь потом объяснять что-то Крабу?

– На хрен. – Нолик передернул плечами.

– То-то и оно. Там у меня в багажнике где-то паяльная лампа. Достань.

– Нафига? Лучше ты ей еще по ногтям пройдишь. Я этой вони паленого не переношу.

– Ноготки – само собой. Вот с указательного пальчика и снимем. Только в нашем деле нельзя на одном зацикливать-ся. Боль должна быть сильной и разнообразной.

– Ну тебя...

– Ага, ты вот вони не любишь, а прикинь, как оно будет, если твоим паленым салом завоняет?

Нолик сплюнул и, осторожно переступая лужи и грязь, двинулся к стоящей неподалеку на поляне машине.

– Так, может, еще чего вспомнила? – Спросил Кирилл. – Кто, сколько, как именно?

– Я же сказала.

– И тебе себя не жаль? Ты вон, сколько бабок на маникюр угробила. Не жалко?

– Правда, я сказала все, все-все. Там такое творилось!

Ужас...

– Ты еще ужасов толком не видела, – Кирилл щелкнул плоскогубцами.

– Нет! – женщина забилась, но веревки надежно удерживали ее руки. – Не-ет!

Кирилл перевел взгляд с правой руки женщины на левую. Мизинчики уже, как бы того... Теперь очередь безымянных. Кирилл плоскогубцами подцепил край длинного наманикюренного ногтя.

– Ну не нужно, пожалуйста, не нужно, – женщина словно забыла все другие слова, – не нужно, пожалуйста...

Ноготь приподнялся, медленно, не торопясь. Женщина закричала, сразу, не дожидаясь, пока боль станет невыносимой. Она уже дважды испытала КАК это больно.

Ноготь хрустнул, Кирилл поморщился и перехватил его плоскогубцами поудобнее. Из-под ногтя брызнула кровь, Кирилл почувствовал, как на его пальцы упали теплые капли.

Женский крик стал еще выше и, наконец, сорвался.

Кирилл покосился на лицо женщины. Глаза закрыты, из-под века выглядывает узкая мутная полоска белка.

– Что тут у вас? – Нолик поставил паяльную лампу на поваленное дерево.

– У нас тут обморок.

– Слушай, – Нолик оглянулся и заговорил отчего-то ше-

потом, – давай заканчивать и сваливать отсюда. Ну не сказала и не сказала. Краб, и тот согласится, что не могла она ничего скрыть. А?

Кирилл покрутил плоскогубцы в руках. Он и сам понимал, что баба уже сказала все, что знала о разборке в «Старой крепости», что ничего больше он из нее ни плоскогубцами, ни паяльной лампой не вытащит. Все это Кирилл прекрасно понимал. Но...

Кирилл искоса посмотрел на Нолика. Эта гнида свободно может потом ляпнуть по глупости или по пьяному делу, что не доработал Кирилл. Не дотянул. Кирилл вспомнил пустые глаза Краба. Нет, спасибо.

– Давай, пока она не пришла в себя – шуруй паяльную лампу.

– Я?

– Ты.

Нолик потоптался, потом вытащил из кармана куртки зажигалку и присел перед паяльной лампой.

– Холодно.

– Ей холоднее, в колготках на земле, – Кирилл посмотрел на перепачканные грязью ноги женщины. Ничего так ножки. Были.

– А правда, что она стриптиз показывала у себя в кабаке? – не оборачиваясь, спросил Нолик.

– Правда, сам видел.

– И как?

– Один мужик прямо под столиком и кончил.

– Seriously? – Нолик засмеялся.

– Ага, там с ним рядом баба сидела, увидела, как он дрожит и хай подняла.

– Да... – протянул Нолик, – такую бабу и паяльником...

– Жалко?

– Такой товар пропадает.

– Ну давай, я тогда займусь лампой, а ты можешь ей встать на прощание.

– Ну тебя, – недовольно ответил Нолик, но на раскинутые бабы ноги глянул.

– Давай – давай! – засмеялся Кирилл. – И ей напоследок удовольствие доставишь.

Нолик сглотнул и огляделся.

– Чего головой крутишь, на сорок километров вокруг ни одной живой души. Лес и лес.

– А...

– Да не тушуйся – дело молодое, здоровое.

Нолик встал.

– Ты это серьезно?

Кирилл взял из руки Нолика зажигалку. Похлопал его по плечу:

– А ты как хотел бы? Да не мнись ты, фраер. Или не встанет?

Нолик подошел к лежащей женщине, наклонился. Дотронулся до лица. Снова оглянулся на Кирилла.

– И хочется, и колется?

– Все лицо размазалось...

– А ты его шапкой прикрой, – Кирилл щелкнул зажигалкой, и паяльная лампа загудела, – давай, решай.

В грязи вся, подумал Нолик, но фигура, так – ничего. В другом бы месте ее прижать.

Короткая юбка сбилась кверху, открывая тонкое, не по сезону белье. Нолик потер руки. Облизал губы.

– Вот она сейчас в себя придет, начнет орать – еще труднее будет, – прокомментировал Кирилл.

Нолик провел рукой по затянутому колготами бедру, прислушался к своим ощущениям. Внутри не шевельнулось почти ничего, только что-то похожее на отвращение. Или сожаление.

– Нет, – Нолик встал, – не хочу, пока трахну – весь в грязи вывожусь.

– Принеси что-нибудь из машины, постели.

– Стемнеет скоро – тогда вообще не выберемся.

Кирилл посмотрел на затянутое тучами небо. Это да, это Нолик прав. В темноте отсюда можно и не выбраться.

Бабу можно уже и не допрашивать. Нолик теперь фиг кому про все это расскажет, его пацаны достанут, если узнают как он перед бабой облажался.

– Ладно, будем уезжать, – Кирилл погасил паяльную лампу.

– Ага, – Нолик вздохнул облегченно, – а с ней что?

– С ней? – Кирилл вынул из кармана нож, – Работай.

Нолик автоматически поймал нож, посмотрел на него.

– Я?

– Ты, а я пока соберу все наше, чтобы ничего не забыть, –

Кирилл осторожно обтер с плоскогубцев кровь клочком старой газеты.

Женщина все еще лежала без сознания.

– А, может, ну ее? Сама за ночь подохнет.

– А если не подохнет? И Краб ясно сказал – никого не оставлять. Давай.

– Ладно, – сказал Нолик.

Нож был простой, кухонный, с засаленной деревянной ручкой. Наточенный, подумал Нолик, пощупав лезвие большим пальцем. Это теперь ее как? В драке пару раз он ножом пользовался, один раз пацана отправили в больницу, еле откачали. Но там он бил наотмашь, не особо заботясь о том, куда попадет. Сейчас...

Кирилл подобрал с земли какую-то мелочь и теперь с интересом наблюдал за Ноликом.

– Ты скоро?

– Сейчас.

В сердце. Ткнуть пером в сердце и все. Нолик присел возле женщины и расстегнул на ней курточку. Где тут у нее сердце? Под грудью. Нолик положил руку на грудь. Сдвинул ниже. Вроде бы здесь. Стучит медленно, как бы нехотя.

Нолик переложил нож в правую руку, лезвием в сторону

большого пальца. Потом перевернул его, отвел руку для удара. Еще можно в ребро попасть. Левая рука нащупала ребра женщины под левой грудью.

Вот ведь зараза! Нолик приложил лезвие так, чтобы оно прошло между ребер, левую руку положил сверху, на кулак правой. Ему почему-то казалось, что нож будет идти трудно, с хрустом разрезая тело, но лезвие скользнуло легко.

Нож плавно вошел в плоть под давлением рук Нолика по самую рукоять. Нолик оглянулся на Кирилла.

– Все? – спросил Кирилл.

– Не знаю, – Нолик посмотрел на свои руки и на бурую рукоять кухонного ножа, неестественным наростом торчавшую под грудью, – кажется...

И тут женщина закричала. Она пришла в себя, почувствовала новую, жгучую, последнюю боль и закричала.

Ноги в изящных полусапожках заскребли по земле, тело выгнулось. Нолик от неожиданности вскочил и замер над бьющимся телом.

Женщина кричала, высоко и пронзительно, широко открыв рот, дергаясь всем телом. На месте ее удерживали только руки, привязанные к поваленному дереву.

– Так и будешь стоять и слушать? – крикнул Кирилл.

– Так я это...

– Нож проверни, козел.

Нолик наклонился и попытался схватиться за рукоять, но тело билось, и он никак не мог этого сделать.

– Лежать, дура, – Нолик наконец не выдержал и левой рукой прижал тело к земле. Правой – провернул нож в ране.

Женщина продолжала кричать.

Да что же такое! Где же ее сердце? Нолик, теряя контроль над собой, рванул нож в сторону, еще раз. Чтобы удержать бьющуюся женщину ему пришлось надавить на нее коленом. Да что же ты так бьешься?

Нолик еще раз ударил ножом, уже не думая о том, куда бьет, и не помешают ли ребра. Еще раз, под грудь, под левую сучью грудь.

Запах крови. Животный крик. Рывки ставшего вдруг невероятно сильным тела. Еще удар.

Крик прервался. Попал. Теперь повернуть лезвие. А потом...

Нолик резко вскочил, выдергивая нож. Полетели капли крови, не на него, мимо. Тело выгнулось еще раз, ноги мелко засемили, нанизывая прошлогодние полусгнившие листья на высокие тонкие каблуки полусапожек.

А потом все кончилось.

– Пошли, – сказал Кирилл.

– Ага, – Нолик кивнул и, не отрывая взгляда от застывшего на земле тела, шагнул назад, споткнулся и чуть не упал.

– Осторожней, убьешься, – предупредил Кирилл.

– Ага, – снова ответил Нолик, – у нее вон ноги дрожат.

– Это у тебя ноги дрожат. Пошли в машину.

– А мы ее закапывать не будем?

– На кой?.. Тут, между прочим, еще волки водятся. Приберут. Если снег не выпадет – хрен, кто сюда до самой весны доберется. А если выпадет – и ее прикроет. Поехали. Нож только не потеряй.

– Ага.

Минут сорок джип петлял между деревьев, пока выехал на заброшенную лесную дорогу. Нолик уже успокоился, Кирилл включил фары.

– Слушай, – спросил Нолик, – а зачем Хозяину сдалась эта разборка в кабаке? Пусть себе менты и разбираются.

– Не знаю.

– Этого Солдата все равно же пришили. И кодлу его тоже.

– Вот-вот. Пришили. А ты теперь скажи, кто это смог их замочить, если два месяца ни менты, ни мы не смогли этого сделать.

– И то...

– Вот именно.

– Третье января. Классно год начинается, – помолчав сказал Нолик.

– Не то слово.

– А баба была единственной, кто все видел?

– Там был полный кабак народу. Только фиг кто обратился в ментовку. Подобрали там только то ли двух, то ли трех раненых. Ну и из всей обслуги ресторанной уцелели трое – эта вот стриптизерша, лабух из ансамбля и солистка.

– Теперь двое, – сказал тихо Нолик.

– Теперь двое, – согласился Кирилл, – а то и меньше.

– К остальным тоже поехали?

– К лабуху поехал сам Краб.

– Твою мать, – сказал Нолик.

– Вот именно.

Джип бросило на ухабе, Нолик прикусил язык, выматерился и замолчал.

Наблюдатель

А если попросить медсестру поправить одеяло, то она наклонится над ним, халат приоткроется и он сможет рассмотреть качающуюся прямо перед лицом грудь. У Лизаветы грудь просто сказочная и белья она не признает. А у ее напарницы, Валечки, грудь поменьше, и предпочитает Валечка фирменное кружевное бельишко.

– Лиза, вы мне одеяло поправьте, – слабым голосом, как и положено смертельно больному человеку, попросил Гаврилин.

– Опять? – скептически улыбнулась Лизавета.

– Опять. Очень у вас комкающиеся одеяла.

Лизавета улыбалась. Кто сказал, что бабе не приятно, когда мужики пялятся на ее сиськи? Мудак какой-то и сказал.

Как быстро у нас формируются больничные привычки, подумал Гаврилин, любуясь глубоким вырезом халата. В благословенную лечебницу «Гиппократ» он попал утром первого января. Сейчас только вечер третьего, а он уже научился ловить маленькие радости этой клиники.

– Так хорошо? – спросила Лизавета, наклонившись к Гаврилину и слегка поправив одеяло.

Гаврилин с трудом перевел взгляд с ее груди на лицо и изобразил на лице наслаждение.

– Да, еще как!

Лизавета еще несколько секунд позволила ему наслаждаться зрелищем, потом выпрямилась и вышла. Если бы не рана... две раны, поправил себя Гаврилин, то я бы ей...

М-да... Как это банально – роман выздоравливающего с медсестрой. И к тому же, если бы у него не было в боку дырки... двух дырок, снова поправил себя Гаврилин, то фиг бы он с Лизаветой познакомился.

И, кстати, очень интересно, такое обслуживание клиентов входит в их прямые обязанности, или является результатом личной договоренности и величины предложенного гонорара. Вопрос, между прочим, далеко не праздный. Как бы плохо Гаврилин не разбирался в женском белье, но понять, что бельишко Валечки стоит куда как дорого он способен. Так что, медицинский персонал тут зарабатывает неплохо.

Плохо вот только считать чужие деньги. Хотя... А что еще прикажете ему считать, одиноко лежащему в двухместной палате? Раны?

Тогда считать мы стали раны, товарищей считать... Стихотворение «Бородино» одного из великих русских поэтов. У господина Гаврилина имеется две раны, резанная и огнестрельная. Обе рядом, на левом боку.

И, как объяснил врач, обе могли бы оказать куда более разрушительное действие на организм героического наблюдателя, попади, соответственно, нож и пуля, чуть в сторону. А так – разодранные сантиметров на тридцать тела, плюс два почти аккуратных отверстия, немного отягощенные сло-

манным ребром. Пуля прошла навывлет.

А чуть-чуть в сторону – и ага, летальный исход.

Но не нужно о грустном. Все равно в истории болезни записано недрогнувшей рукой врача – гепатит. Причем гепатит Б, передающийся капельным путем, или как там правильно говорить.

Вот такой вот специфический «Гиппократ». Всякий желающий свободно может лечить тут свои огнестрельные ранения, не боясь привлечь внимания охранников закона. Гепатит, он и есть гепатит.

И к Конторе клиника, похоже, никакого отношения не имеет. Во всяком случае, во время вчерашнего посещения Григорий Николаевич вел себя очень корректно и сдержанно. И никто перед ним на вытяжку не становился.

Вспомнив о посетителе, Гаврилин поморщился. Все они на одно лицо, большие начальники из Конторы. Уверенные, пожилые, подтянутые и корректные.

Здравствуйте, как самочувствие, чего вам хочется, какие планы на будущее. Какие планы?

Гаврилин взял с тумбочки пульт управления телевизором и нажал на кнопку. Чем тут радуют обывателей?

Как обычно. Местные телеканалы продолжают смаковать гибель Солдата и его группы. Теперь, правда, в комментариях звучит слово «банда», но это уже вопрос лексики.

Банда, группа, – простой народ теперь может счастливо и свободно вздохнуть, а народ непростой вернуться, наконец,

в родные пенаты после каникул на Канарах и прочих Гавайях. Теперь можно не бояться, что в окно влетит пуля или граната. Можно не бояться. Или почти не бояться.

В телевизоре как раз девушка с почти умным видом вещала, что в органах никто ничего не подтверждает и не опровергает. Да – трупы. Да – свидетели. Нет – никаких версий.

Гаврилин переключил канал. Никаких версий, никаких комментариев. Следующий канал. Да – трупы. Много трупов. Девушка, участница банды, была убита очень профессиональным ударом в горло, что несомненно...

Гаврилин выключил телевизор. Да. В смысле... В каком там смысле! Его до сих пор тошнит, когда он вспоминает сочный хруст хрящей под ребром левой ладони.

Хоть умерла сразу! Гаврилин закрыл глаза, но тут же их открыл. События новогодней ночи встали перед глазами очень ярко и сочно. Залитый кровью пол, скорченное тело в темно-красной луже, и Наташка, в прыжке пытающаяся достать ножом, его, Гаврилина.

Левый бок под повязкой запекло. Первый раз она его все-таки достала. Во второй точно бы убила. Тут у него выбора не было. Но все-таки...

Горло ломается с влажным хрустом, тело, сразу ставшее мертвым, падает на пол, а он замирает неподвижно, а потом...

Черт с ним, с тем Новым годом. Он выжил. Просто выжил и все. И никто, даже Григорий Николаевич, не усомнился в

том, что он имел право выжить.

Во всяком случае, пока не усомнился. Приказал лечиться и готовиться к новому заданию. И обещал перед этим заданием отпуск. Куда захотите, Саша, куда захотите.

Пару баб, пароход выпивки, и – в Антарктиду всего на одну полярную ночь.

Гаврилин попытался изменить позу и застонал. Больно. Хотя он ожидал худшего. Даже в сортир ходит самостоятельно. Не хватало еще, чтобы Лизавета и Валя ему утку совали.

Это мы через недельку – полторы посмотрим кто кому и чего будет совать. И бельишко поближе рассмотрим и обширным бюстом поиграемся. Потерпите девушки, потерпите. Гаврилин до вас еще доберется.

Если до этого с тоски не помрет.

Гаврилин взял с тумбочки журнал, открыл, закрыл и запустил его в другой конец палаты. Журнал со шлепком съехал по стене на пол.

Вот ведь странно – он даже не догадывался, как привык работать, как привык ломать голову над идиотской проблемой

Палача и как привык бояться за свою жизнь. И понял это только тогда, когда такая необходимость отпала.

Живи и радуйся. Эти двести килограммов взрывчатки обнаружили в подземном гараже Центра досуга в результате анонимного телефонного звонка. Около пятисот новогодних посетителей остались живы. Можно это записать в свой ак-

тив, или все-таки, это Палач пожалел их всех?

И, кстати, что с Палачом? Хорунжий приезжал сегодня утром, завез папочку с бумагами и сообщил, что Палача обнаружить не удалось, ни живым, ни мертвым. Хорошо или плохо?

И еще эта записная книжка Палача, наследство, как он ее назвал. Что там? Гаврилин в первые же минуты пребывания в своей палате засунул ее в матрац. На всякий случай. Выздоровеем – посмотрим. Пока с него достаточно материалов по предстоящей операции. Отдохнете, Саша, и вот тогда уж, с новыми силами... Как же, как же! Не успел человек прийти в себя, как ему тут же ненавязчиво суют папку с биографиями и фотографиями типов малоприятных и малоинтересных. Слава Богу, хоть не долго пришлось пялиться в истории жизни городских уголовников. Самых сливок общественно-го дна.

Ты, мужик, сам-то понял, что сказал? Гаврилин закрыл глаза. А что вы хотели от смертельно раненного героя невидимого фронта? Герой хочет спать, герой хочет... Герой много чего хочет. Хорошо еще, что Хорунжий из соображений секретности папку увез до следующего посещения. А то ведь дисциплинированный Гаврилин не взирая на страшные боли в героически простреленной и прорезанной груди, лежал бы и тупо пялился в интеллектуальные лица авторитетов. И, кстати, обидно. Первоначально, еще до того, как отношения с Конторой стали официальными, предполагалось,

что он будет спасать отечество от врагов политических и, скорее внешних, чем внутренних. А с уголовниками...

В дверь постучали. Три раза, с небольшим интервалом, легко. Лизавета. Классная все-таки больница. Даже медсестры и те стучат перед тем как войти в палату. Это если вдруг больной займется чем-нибудь непотребным.

– Да, – сказал Гаврилин и скомкал одеяло на груди. Нельзя себе отказывать в маленьких радостях.

– Скучаете? – спросила Лизавета.

– Еще как!

– Тогда к вам компаньон.

– Неужели ваше руководство сжалилось и решило поставить сюда двуспальную койку? Тогда я буду требовать вашего назначения на вакантную должность ночной сиделки.

– Лежалки, – сказала Лизавета.

– О позе договоримся дополнительно, – с мечтательным выражением лица сказал Гаврилин.

– Ловлю на слове, – совершенно бесстыдно улыбнулась Лизавета, – а пока мы к вам подселим еще одного больного.

Лизавета подошла к пустовавшей до этого койке и сняла покрывало.

– А мне одеяло поправите, Лизонька? – спросил Гаврилин.

– Обязательно.

– Привет! – прогремело от двери.

– Вечер добрый, – ответил Гаврилин.

Ничего так напарник, уверенный в себе. Гаврилин ответил на крепкое рукопожатие, отметил, что сила у парня есть.

– Ты здесь давно? – спросил новенький.

– С первого января.

– С самого праздничка. И как здесь?

– Жить можно.

– А с кем?

– Чур, Лиза моя, – сказал Гаврилин и погладил Лизавету по руке, за что был награжден улыбкой и более длительным чем обычно, созерцанием колышущегося бюста.

– Это мы еще посмотрим, – заявил новенький, а когда совершенно довольная Лизавета вышла, примирительно сказал, – на чужих женщин я никогда не лез. Никита.

– Что? А, Саша, – Гаврилин еще раз пожал руку, – Гаврилин.

– Колунов.

– В детстве дразнили Колуном?

– Ничего подобного, – Никита засмеялся, – до сих пор с самого детства друзья зовут Клоуном.

Гаврилин тоже засмеялся. Слава Богу, теперь хоть будет не скучно.

– Тоже гепатитчик? – спросил Гаврилин.

– Ага, – Клоун ткнул пальцем себя в плечо, – навывлет, огнестрельный.

Боль

Ни черта он не скажет. Даже если что-нибудь вспомнит. Следователю это было понятно с самого начала. Но обряд должен быть выполнен. Следователю было скучно, скукой сочились запотевшие окна кабинета, скука пропитала стены, оклеенные выгоревшими обоями. И голос свидетеля, музыканта из ресторана «Старая крепость» Сергея Головина, тоже был невообразимо скучен.

– В одиннадцать часов все началось.

– В двадцать три ноль-ноль? – переспросил следователь.

– Не, минут в десять двенадцатого. В двадцать три десять, примерно.

– Такая точность! – следователь изобразил на лице нечто вроде улыбки, и такое же подобие улыбки как в зеркале появилось на лице музыканта.

– В одиннадцать мы начали мероприятие. Рита чего-то там сказала праздничное...

– Рита – это...

– Наша танцовщица, Маргарита... тьфу ты... Зимина.

– Продолжайте.

– Потом мы дали первую песню, и как раз между первой и второй все и началось.

– Между первой и второй перерывчик небольшой.

– Да, минуты полторы... – музыкант снова улыбнулся, де-

монстрируя следователю, что оценил его чувство юмора.

– Сколько это продолжалось?

– Что?

– Когда началась перестрелка в зале?

– Вот этого я точно сказать не могу. Мне показалось, что все это продолжалось несколько дней.

– Угу, – следователь кивнул. Дверь кабинета распахнулась, и появившийся на пороге капитан милиции выразительно постучал по наручным часам пальцем.

– Сейчас, – бросил следователь, дверь закрылась, – сколько человек, как вы говорили, помогли вам всем бежать?

Музыкант тяжело вздохнул. Все это он рассказывал уже трижды:

– Двое. И еще один из тех, кто нас захватил.

– Один из нападавших... – записал следователь.

– Тот, который убил нашего повара и официанток.

– ... повара и официанток. И?

– Все. Мы потом побежали, а они все остались.

– ... остались. Ознакомьтесь и подпишите.

Музыкант взял протянутые ему листы бумаги и, не читая, подписал их.

Следователь посмотрел на подпись, кивнул, расписался на бланке пропуска и отдал его свидетелю:

– Если что-то вспомните – позвоните.

– Обязательно, – сказал музыкант.

И он, и следователь прекрасно знали, что даже если музы-

кант и выкопает что-нибудь в своей памяти, то кабинет следователя будет последним местом, куда он эту информацию понесет.

Чего допрашивают, думал музыкант по пути к выходу из управления. И так все ясно – нарвался Солдат на парней покруче себя, вот и все. А то еще может быть, что сами менты его и грохнули.

А что, может, так оно и было. Музыкант поднял воротник и вышел на улицу, в пропитанную холодом и сыростью темноту.

Даже возле управления фонари не горели. Музыкант прошел по тротуару до угла, ступил на мостовую. Под ногой плеснуло.

Утонуть можно, зло подумал музыкант и пошел через дорогу, не обращая уже внимания на брызги. Дома приму сто пятьдесят и согреюсь.

– Головин? – рядом с музыкантом выросли две темные фигуры.

– Что?

– Вы гражданин Головин?

– Да.

– Поехали.

– Я только что от следователя...

– А нам насрать, – темная фигура справа приблизилась, и музыкант уловил тяжелую смесь перегара и табака, – сам в машину сядешь, или тебя туда вкинуть?

За спиной притормозила машина, щелкнула дверца.

– Садись.

Музыкант оглянулся по сторонам, но улица была пустой.

В бок что-то больно уперлось.

– Не умничай и садись.

Музыкант обреченно вздохнул и подошел к машине.

Из открытой дверцы пахло теплом, табачным дымом.

Довольно громко звучала музыка.

«Отель Калифорния», отметил музыкант автоматически и наклонился перед дверцей. Стоп. А куда это его и кто?

Он выпрямился и обернулся:

– А куда?

– За кудыкины горы, – один удар пришелся в солнечное сплетение, второй чуть пониже затылка. Музыкант не упал только потому, что его подхватили и быстро впихнули в машину.

Один человек сел на заднее сидение рядом с ним, второй – на переднее, возле водителя.

Пришел в себя музыкант только тогда, когда в лицо ему плеснули чем-то холодным, с сильным запахом мазута.

– Живой? – спросили откуда-то сверху.

Глаза были туго завязаны. Болела голова, подташнивало, на попытку подняться, запястья, стянутые чем-то за спиной, отреагировали острой болью. Музыкант застонал.

– Живой. У нас к тебе несколько вопросов.

Чьи-то руки сзади рывком подняли музыканта на ноги.

Ноги держали слабо.

– Посади его на ящик, – сказал тот же голос.

За спиной музыканта что-то чиркнуло по полу и не сильно ударило его сзади по ногам.

– Присаживайся.

– Спасибо, – автоматически сказал музыкант.

– Потом поблагодаришь, – кто-то глухо хмыкнул за спиной, – а пока расскажи нам все о Новом годе.

Опять, подумал музыкант. Только на этот раз это не милиция. Точно – не милиция.

– Так я это...

– Уже ментам все рассказывал?

– Три раза уже!

– А нас, значит, не уважаешь? – голос спокойный, без угрозы.

– Нет, я...

– Что?

– То есть, да, уважаю. Просто...

– Просто ты к нам не хочешь относиться серьезно.

Музыкант почувствовал, как по спине потек пот.

– Я... серьезно, честно, я...

– Ухо, – спокойно сказал голос, и музыкант закричал.

Что-то будто раскаленным металлом обожгло голову слева, по щеке и шее разом потекли струйки чего-то горячего.

– У нас мало времени. А у тебя мало ушей. Потом мы займемся пальцами, а потом уже и твоим хозяйством. Это

сможет благотворно отразиться на твоём голосе. Ты же у нас ещё и певец?

Музыкант всхлипнул, рану жгло, страх и безысходность комком подкатились к горлу.

– Мне ещё долго ждать? Ещё ухо?

– Нет, не нужно, я все расскажу, что я не понимаю, я все расскажу. Честно!

Музыкант рассказывал торопливо, проглатывая слова и окончания, глотая слезы боли и страха. Все рассказать. Все. Он даже не забыл сказать о своем подозрении по поводу ментов. Или ещё кто в погонах.

– Если что – узнаешь кого-нибудь из тех, кто в кабаке стрелял?

– Так их же всех...

– Не тех, кто был с Солдатом, других.

– Узнаю, конечно узнаю. Точно, – музыканту казалось, что именно от этих слов зависит его жизнь, именно от ответа на этот вопрос.

– Узнаешь... – удовлетворенно протянул все-тот же голос.

– Узнаю, конечно, узнаю.

– Дай телефон, – куда-то в сторону сказал голос.

Музыкант сквозь боль и гулкие удары крови слышал, как набирался номер на телефоне, потом снова послышался голос, но уже далеко, слов было не разобрать.

Музыкант застонал. Вся левая часть головы горела, а тело словно обложили льдом. Что же это такое? После того, как

удалось в ту ночь вырваться из ресторана, когда за спиной затих автомат, музыкант подумал, что все, что вот осталось позади самое страшное приключение в жизни, что после такого – уже ничего не страшно.

А теперь, теперь было куда страшнее. Там он был одним из многих, потенциальной жертвой. Здесь...

Его уже сделали уродом. Его, а не кого-то там, в стороне. И что еще с ним могут сделать? Убить. Разрезать на куски? Они ведь даже не угрожали ему, они просто отсекли ухо для того, чтобы он поверил в серьезность их намерений. Быстро и по-деловому.

– А с этим что делать? – голос, незнакомый голос прозвучал прямо за спиной, – Слышь, Краб?

Краб. Музыкант знал это имя. Он слышал рассказы о человеке, стоявшем возле самого Хозяина, и рассказы эти могли испугать кого угодно. Внутри все оборвалось. Захотелось закричать, но музыкант только крепче сцепил зубы.

– Этого лабуха отвезите за город, на дачу. И ухо ему чем-нибудь залепите, чтобы не подох раньше времени.

Не подох. Не подох раньше времени. Музыкант застонал. По телу прошла мучительная судорога безысходности. Раньше времени. Теперь они определяют время.

Теперь они решат, сколько ему жить.

Рывок за шиворот заставил музыканта встать. Что-то прижалось к пульсирующей болью ране.

– Да он обхезался!

– Застелишь чем-нибудь машину, – лязгнула тяжелая металлическая дверь, как в гараже.

Толчок в спину чуть не сбил музыканта с ног:

– Пошли, засранец.

Наблюдатель

Клоун разливался соловьем. Он трепался не переставая, размахивал руками, говорил тосты, следил за тем, чтобы стаканы были полными, и при этом не забывал время от времени поглаживать сидящую рядом с ним на кровати Леночку, дежурную медсестру из хирургии.

Верная Лизавета честно сидела возле Гаврилина и после каждого анекдота приваливалась грудью к его плечу.

Плечу было приятно, боку больно, но Гаврилин стоически переносил и то и другое.

Вот так всегда – хорошее и плохое распределяется только комплектами, подарочными наборами. Можно получить только одно? Можно, только хорошее уже кончилось.

– Саша, не сачкуй! – сказал Клоун.

– Ни в одном глазу, – провозгласил Гаврилин и поднял стакан, – предлагаю тост за прекрасных дам!

– Поддерживаю! – Клоун вскочил с кровати, – я такие тосты пью только стоя.

Гаврилин вздохнул и тоже встал, только медленно и осторожно. Такое чувство, что в боку у него отверстий как в дуршлаге, и каждое болит. Спасибо Лизавете – поддержала.

Заботливая баба. Вылечусь – женюсь. Гаврилин опрокинул стакан в рот.

Свиньи мы все-таки. Такой коньяк глушить стаканами.

Его же нужно смаковать маленькими глоточками и закатывать при этом глаза!

Гаврилин зацепил с тарелки дольку лимона, сунул его в рот и поморщился.

– ... Подходит к водителю «москвича» и говорит: «Что, мужик, и тебе анекдоты о шестисотом мерсе и «запорожце» надоели?», – Клоун хлопнул рукой по колену и первым захохотал.

Так себе анекдотик, подумал Гаврилин. Но Клоун так заразительно смеется, что даже старые анекдоты ему можно простить.

Леночка из хирургии просто счастлива от внезапной встречи.

– А теперь, – сказал Клоун, отсмеявшись, – за знакомство.

– Пили уже, – продемонстрировала наблюдательность Лизавета.

– Так то мы пили за просто знакомство, а теперь выпьем за близкое знакомство.

Дамы захохотали.

– А потом за очень близкое, – сказала Леночка.

Гаврилин завистливо вздохнул. Хорошо иметь рану в плече. А тут – ни тебе повернуться энергично, ни тебе позу сменить. Одна надежда – на сообразительность Лизаветы.

– Бутылка пустая, – сказала Леночка.

– Покойников со стола, – скомандовал Клоун и вытащил из сумки новую бутылку.

Запасливый парень, подумал Гаврилин, молодец. А вот он не очень. Что-то повело немного.

Еще не хватало чтобы окончательно развезло, или, не дай Бог, стошнило прямо на веселую компанию. Гаврилин осторожно помотал головой. Надо пройтись по коридору.

Гаврилин осторожно снял Лизаветину руку со своего колена и встал.

– Ты чего?

– Пройдусь по коридору. Тут недалеко.

– Осторожно там, смотри не упади.

– Обижает, Лизонька, я еще крепкий мужик.

– И у него есть крепкие друзья, – заявил Клоун и то же встал, – вы тут пока, девоньки, все приберите и постельки перестелите.

Опять молодец! У Гаврилина никогда не получалось такое изящное управление слабым женским полом. Вечно он попадает в зависимость от своего рыцарства. Проще надо быть, проще.

В голове немного шумело. Почти как тогда, сразу после того, как его привезли сюда. Крови он потерял тогда много.

– Не люблю я больницы. Вообще я в больницу попал второй раз в жизни. – Стены неприятно покачивались, и Гаврилин никак не мог отделаться от ощущения, что пол коридора гуляет небольшими упругими волнами.

– Первый раз тоже с раной? – Клоун придержал Гаврилина за локоть.

– Нет, мне было что-то около двадцати, когда у меня приключился приступ аппендицита. Получил массу впечатлений. И только когда выписывался, узнал, какой была фамилия моего врача.

– Безрукий? Меня в армии оперировал подполковник медицинской службы Безрукий. Вынул из меня пятнадцать осколков.

– Фамилия у моего была покруче – Варвар. Если бы я раньше знал – фиг бы он меня на стол затащил.

– Тебя придержать, чтобы отдачей не отбросило? – спросил Клоун.

– Я сам, сам, – Гаврилин смело шагнул в кабинку туалета.

Фу, нализался. Нельзя так. И к тому же почти совершенно без повода. Что там сказал в самом начала Никита? За знакомство?

Гаврилина качнуло, и он оперся рукой о стену.

И пили в темпе просто неприличном. И закуски почти не было. Тут Клоун не предусмотрел. Выпивки набрал полную сумку, а из закуски всего одну шоколадку и лимончик.

Теперь вот страдай. Гаврилин прислушался к своему желудку. Нет, пока еще не очень сердится на хозяина. Нормально.

– Ты там не уснул? – спросил из-за двери Клоун.

– Бодрствую.

– Это хорошо, а то нас дамы заждались.

– Подождут, такая их бабья судьба, – Гаврилин спустил

воду в бачке и вышел, – пошли выйдем на лестницу, воздухом свежим подышим.

Хотя какой тут свежий воздух на лестнице? Курят здесь. Даже окно открытое не помогает.

Гаврилин оперся о подоконник и выглянул в окно. Или подмораживает, или ему только кажется?

– Никак холодает? – удивленно спросил Клоун, – не может быть!

– Может, – уверенно сказал Гаврилин, – январь, между прочим. Пора.

– Пора. Ты где свой гепатит подцепил?

Вопрос был задан совершенно будничным тоном, и Гаврилин чуть не ляпнул сгоряча о «Старой крепости».

Коньяк без закуски очень способствует откровенности. Но нас, старых опытных наблюдателей, фиг теперь кто поймает.

– На улице прицепились какие-то козлы! Думал отмахаться – и получил ножом. Думал убежать и получил пулю.

– Весело погулял!

– Весело.

Вот только интересно, что бы мне пришлось врать, если бы Клоун поинтересовался, как это я умудрился схлопотать пулю спереди при выстреле сзади. Но Клоун провокационных вопросов не задавал. И на сомнения Гаврилина внимания не обратил.

– Ничего, недельки две и будешь как новенький. По себе

знаю.

– По армии?

– И по армии тоже. Я там схлопотал по полной программе.

Восемнадцать осколков в грудь, как здрасьте.

– Не повезло.

– Как сказать.

– Что, комиссовали по ранению?

Клоун засмеялся:

– Как же, комиссовали. Даже отпуска не получил.

– Так в чем же повезло?

– А выжил. Просто взял и выжил.

Гаврилин понимающе кивнул:

– Врач?

– И он тоже. А перед этим еще один человек, – веселое выражение сползло с лица Клоуна, и оно стало почти тоскливым.

Гаврилин расценил это как нежелание говорить.

– Может, еще и снег выпадет...

– А ты заметил, о чем бы мужики не трепались, все на службу в армии переводят?

– Заметил. Особенно те, кто повоевал. Уже закончилось давно, а все...

– Не закончилось. Ни хрена не закончилось. Все мы там остались. На войне. Все воюем и воюем. Как проклятые. Кто изловчился – в штабе, кто нет – в поле. На блокпостах, в маневренных группах, на бортах. Иногда кажется, что проснусь

– а все по-прежнему. Пянжский погранотряд, палатки, вертушки.

Гаврилин слушал молча, не перебивая. В такие минуты он чувствовал себя слишком неловко, чтобы перебивать. В такие минуты ему казалось, что виноват в чем-то, что его вина в том, что ему не довелось повоевать, что его служба проходила ровно и спокойно.

– А я не жалею. Честно. То что потом кричали о несправедливой войне... Может быть. Может быть она была несправедливой для генералов. А для меня, для остальных пацанов двадцатилетних... Эта была война справедливая.

Это была война за свою жизнь, за своих ребят...

Ладно, все прошло, – Клоун глубоко вздохнул, – все прошло. Об одном жалею.

– О чем?

– Долг один не вернул. Не получилось, – Клоун отошел от окна, – пошли, дамы заждались.

Гаврилин двинулся следом за ним.

Ну вас всех, ветеранов, подумал он, все вы какие-то непростые и загадочные. Воюем. Если бы вы одни! Если бы вы одни продолжали воевать и убивать!

Гаврилин потер о брюки ребро левой ладони.

Долг он, видите ли, не вернул. Не отомстил за павшего товарища? Не перестрелял десяток невымытых мужиков?

Алкоголь словно выветрился из головы, оставив только раздражение и смутное чувство тревоги. Возле двери туалета

та Гаврилин остановился. Лицо горит, как от солнца.

Гаврилин наклонился осторожно над умывальником, плеснул в лицо холодной воды. Что такое?

Что это с ним? Куда-то исчезло чувство покоя. Скука? Какая скука? Это что, он всего несколько часов назад маялся скукой, не зная чем заняться?

Что это с ним? словно странный, легкий тревожный запашок разбудил его. Гаврилин сильно потер лицо, закрутил кран.

Что с тобой, Сашка Гаврилин? Все позади, все нормально.

Гаврилин двинулся по коридору к двери своей палаты. Что-то ведь меня насторожило. Что? Или просто сказывается усталость и рана?

Или?

Дверь палаты распахнулась и в коридор вышел смеющийся Клоун с Леночкой на руках:

– Мы тут ходим на экскурсию, вернемся через часик.

– Счастливо! – сказал Гаврилин.

– Да и вы тут не скучайте, – Клоун подмигнул Гаврилину и легко понес свою хихикающую ношу по коридору.

Легко сказать, подумал Гаврилин. Напрасно он так сегодня хорохорился. Бок начало жечь немилосердно.

Гаврилин постоял перед дверью, пока Клоун не скрылся за поворотом.

Пянжский погранотряд... Может быть это его насторожило. Там же служил и Палач. Кстати, по возрасту они, похоже,

свободно могли служить в одно и то же время.

Много их там служило. Было бы чего волноваться.

Даже если они и были знакомы, Клоун и Палач. Не в этом дело. Не это вовсе так завело Гаврилина. Что?

Суета

Частная клиника «Гиппократ» была местом специфическим. Могло показаться, что любые законы на ее территории перестают действовать. Раны, о которых в любом другом медицинском заведении должны были бы доложить в соответствующие органы, здесь назывались каким-нибудь инфекционным заболеванием и благополучно излечивались в достаточно комфортабельных палатах.

Стоило это недешево, но в клиентах недостатка не было. Кстати, заключение о кончине кого-либо из больных от тех же самых инфекционных заболеваний здесь делали тоже без проблем. Тут же, при «Гиппократе» действовало похоронное бюро и отделение пластической хирургии.

Но главным достоинством клиники, основной составляющей немаленького гонорара врачей были вовсе не удобства и комфорт. Клиника была нейтральной территорией. Как бы ни хотели конкуренты достать недостреленного коллегу, порог «Гиппократа» был зачарованной линией.

Нельзя. Все великолепно понимали, что должно быть нечто незыблемое в это суматошное время, где можно было бы безопасно отдохнуть.

Лично Хозяин гарантировал демилитаризованный статус клиники, и никто никогда не решился бы этот статус нарушить.

Однажды, в самом начале деятельности клиники, выздоровевший после трех пулевых ранений на крыльце клиники нарвался на четвертое ранение, на этот раз в голову. Через день похоронное бюро «Гиппократ» оказало услуги сразу трем клиентам – убиенному, убийце и заказчику.

И все признали, что Хозяин прав. Как, впрочем, и всегда.

Когда через полгода после показательных похорон, очередной выздоровевший благополучно покинул клинику, добрался до хаты, сел за праздничный стол и после первого тоста вместе с десятком гостей взлетел в небеса от трех килограммов динамита, все сочли, что наконец найден достаточный минимум. В комплекс услуг клиники входит еще и безопасная дорога домой.

Официальные структуры в деятельность «Гиппократ» не совались, то ли признавая его экстерриториальность, то ли предполагая пользоваться его услугами.

Все было чинно и благопристойно. В функции охранников клиники входила не столько внешняя безопасность, сколько внутренний порядок. Иногда приходилось придерживать перебравших больных, которые потом утром приносили свои извинения. Самым страшным наказанием в клинике было отлучение.

Охрана контролировала собственно корпус клиники и периметр парка, в центре которого стоял «Гиппократ». Режим посещения больных был совершенно свободным, поэтому ни одного из пары охранников на автоматических воротах,

подъехавший в два часа ночи «опель» не удивил.

Один из охранников не торопясь набросил плащ, вышел из домика и подошел к машине.

Стекло на задней дверце опустилось, в машине зажегся свет. Охранник наклонился к дверце. Его напарнику, наблюдавшему за всем этим по монитору, показалось, что охранник дернулся. Напарник насторожился, и его рука легла на кнопку тревоги.

Потом охранник у машины выпрямился и махнул рукой. Ворота на территорию парка открылись, и «опель» неторопливо двинулся по освещенной мокрой аллее к клинике.

– Что там? – спросил тот, что сидел за пультом у вошедшего охранника.

Тот отмахнулся, поднял трубку внутреннего телефона и быстро набрал номер:

– Там к вам поехал Краб. С ним один, за рулем.

Сидевший за пультом присвистнул:

– Что это он? Тут же его людей вроде нет?

– Хрен его знает. Будет выезжать – сам подойдешь и спросишь.

– Сейчас, разогнался.

«Опель» остановился возле крыльца, из него вышел Краб, аккуратно прикрыл за собой дверцу.

Входная дверь клиники открылась, и на крыльцо вышел охранник:

– Добрый вечер.

– Вечер добрый, – ответил Краб.

Охранник потоптался на крыльце. Краб спокойно смотрел на него от машины.

– Что стоишь? – поинтересовался Краб.

– Вас вышел встретить.

– А на хрена?

Охранник замялся.

– А если я просто приехал воздухом в парке подышать. А вовсе не в вашу живодерню?

Охранник шумно сглотнул. Краб мог себе позволить разговаривать таким тоном практически с любым. Кто был тоном не доволен, обычно свое недовольство держал при себе.

– Порядок должен быть, пацан, порядок, – Краб медленно поднялся по ступенькам, – вам зачем камер столько нацепляли?

Охранник автоматически оглянулся на видеокамеру возле входа. В этот момент Краб одним броском оказался возле охранника и не сильно двинул его коленом в пах.

– Мать... – протянул охранник сдавленным голосом.

Краб не торопясь взял его за волосы и, придерживая голову рукой, ленивым движением припечатал колено к лицу охранника.

– Ты здесь поставлен, чтобы охранять, – назидательно сказал Краб опустившемуся на колени охраннику, – охранять, а не лакействовать. Усек?

Краб оставил охранника на крыльце и вошел в вестибюль.

Второй охранник стоял напротив входа, пытаясь понять, что в этой ситуации ему нужно делать.

– А ты что уставился? – спросил Краб.

– Ничего...

– У тебя ствол есть?

Охранник молча откинул полу пиджака.

– На предохранителе?

– Да.

– А патрон в стволе?

– Нет...

– Козел, – кулак Краба вскользь зацепил челюсть охранника, и тот отлетел к стене.

– Ладно, тебе насрать на тех, кто у вас здесь лечится. А сам жить хочешь? – спросил Краб, наступив ногой на грудь охранника.

– Хочу.

– Что же ты, сука, даже когда твоего приятеля на крыльце били, даже ствол не достал?

– Нам от ворот позвонили, сказали, что вы едете, – от входа сказал слабым голосом первый охранник.

– Ну и что? Я что – не могу вас пришить?

Охранник от двери хлюпнул носом.

– Сходи, умойся, – не оборачиваясь, сказал Краб, – да дверь закрой, урод.

Краб, наконец, убрал ногу с груди лежащего, и тот встал.

– Что скажешь? – спросил Краб.

– Ничего.

Кулак Краба впечатался в солнечное сплетение охранника. Он согнулся.

– Что теперь скажешь?

Охранник что-то невнятно прохрипел.

– Не слышу.

– Ничего.

– Мудак, так ничему и не научишься до самой смерти, – Краб несильно толкнул охранника, и тот упал.

Охранник перевалился на бок, рука его скользнула к пистолету.

– Молодец, – одобрительно сказал Краб, – только у тебя ж пушка на предохранителе и не взведена.

На этот раз удар пришелся в область печени. Охранник заскулил. Еще удар – и пистолет отлетел в сторону.

– Не надо, – раздался голос сзади.

Краб оглянулся. Первый охранник уже успел умыться и теперь стоял в нескольких метрах за спиной Краба. В опущенной руке его был пистолет.

– Не надо, – сказал охранник.

– А то что? Выстрелишь?

Охранник не ответил.

– Я тебя спросил – выстрелишь?

– Да.

Краб усмехнулся:

– А не испугаешься? Я ведь Краб.

– Здесь ничейная территория. Вы напали на нас. Никто ничего не возразит, если я выстрелю.

– Как зовут?

– Макс.

– Ко мне пойдешь?

– Что?

– В команду мою пойдешь? – повторил свой вопрос Краб.

– Да.

– Завтра мне позвонишь, – Краб подошел к охраннику и дал ему свою визитную карточку.

Охранник взял карточку левой рукой и сунул ее в карман пиджака.

– Пушку можешь спрятать, Макс, – сказал Краб.

Охранник поставил пистолет на предохранитель и спрятал оружие в кобуру.

– А приятелю своему скажи, что за науку благодарить нужно. А то заладил – ничего, ничего.

Краб двинулся было к лестнице, потом оглянулся:

– Макс?

– Да?

– Ты как думаешь, чего я тебя к себе позвал?

– За пистолет.

– В смысле?..

– Что я его достал...

– Ни хрена, – Краб усмехнулся, – это тебе по работе положено за оружие хвататься.

– Тогда за что?

– За то, что ты его на меня не навел. Понимание проявил.

Усек?

– Усек.

– Вот и ладно. У вас тут сколько гепатитчиков лежит?

– Двое, – хриплым голосом сказал вставший, наконец, второй охранник, – оба в одной палате. Второй этаж.

– Слышь, Макс, а приятель твой, так ничему и не научится.

Краб неторопливо стал подниматься по ступенькам.

– Сука, – тихо сказал охранник.

– Краб, – спокойно поправил его, не останавливаясь, Краб.

Глава 2

Наблюдатель

Лизавета ждет. Гаврилин остановился на пороге палаты и перевел дыхание. Какое замечательное сочетание – небольшой костерок из боли под повязкой на левом боку и мечтательное выражение на лице Лизаветы.

– Как дела? – спросил Гаврилин.

– Скучаем, – ответила Лизавета.

А я – нет, чуть не ляпнул Гаврилин, но вовремя сдержался. Сейчас вот просто лечь и попытаться уснуть. Только для этого нужно будет ненавязчиво убраться Лизавету с постели. Гаврилин двинулся к кровати, заботливо придерживая свой бок локтем.

Дожились, господин Гаврилин, просто докатились. Классная баба лежит в твоей постели, а ты идешь к ней и думаешь, как бы она освободила место. И, если быть честным, она не то, чтобы совсем лежит, так, прилегла, подогнув ножки и опершись локтем о подушку.

Любой нормальный мужик при таком зрелище должен был уже испытывать... ну, скажем, приподнятое состояние. Но как болит бок. Гаврилин присел на край кровати, Лизавета немного поджала ноги, освобождая ему место. Спасибо,

сестра. Вот если бы просто убрала свои ножки с кровати... и попку... и... ну, в общем, все те, до чего всего пару часов назад я так мечтал добраться.

Гаврилин прикрыл глаза. Не нужно было так напиваться. К горлу подкатился комок, и Гаврилин понял, что о выпивке тоже лучше не вспоминать.

– А Никита с Леной пошли прогуляться, – сказала Лизавета.

– Я их видел, – кивнул Гаврилин и тут же пожалел об этом. Не надо было пить, и не надо делать резких движений.

– Тебе налить? – спросила Лизавета.

– Сто грамм цианистого калия, – ответил Гаврилин, – мышьяком закусить.

Лизавета села на кровати, внимательно посмотрела в лицо Гаврилина.

– Тебе плохо?

– Утром было намного лучше.

Чуть теплая рука коснулась лица Гаврилина, легла на лоб.

– У тебя температура.

– У меня дырочка в левом боку и почти бутылка коньяка в желудке, – пожаловался Гаврилин.

– Ложись, – Лизавета встала с кровати и попыталась помочь Гаврилину.

– Не надо, женщина, я сам. Не унижай мужика, – Гаврилин вцепился в левый бок руками, привстал, а потом зава-

лился на правый бок.

– Убьешься так, – сказала Лизавета, и в ее голосе Гаврилину послышались заботливые ноты. Приятно, подумал Гаврилин.

– У тебя есть что-нибудь от боли?

– Тебе сейчас не стоит, после выпивки.

– После выпивки... – протянул Гаврилин, – да, за все нужно платить.

– Я здесь приберу, похоже, праздник закончился, – констатировала грустно Лизавета.

– Он только откладывается, вот у меня перестанет зудеть в боку...

В дверь палаты постучали. Какие все вокруг вежливые, подумал Гаврилин. Стоп. А кто это в два часа ночи приперся в палату? Медсестры здесь стучат одинаково, мягко и осторожно, Клоун вломился бы в дверь без стука, или, в крайнем случае, двинул бы пару раз в дверь рукой. А тут уверенные, жесткие удары. Сильные. У Гаврилина даже на мгновение заныли костяшки пальцев на правой руке.

– Войдите, – сказал Гаврилин.

– Добрый вечер, – сказал вошедший в палату мужчина.

Ну настоящий полковник, всплыла почему-то в голове Гаврилина фраза из песни. Чуть выше среднего роста, коренастый, короткая стрижка, лет сорок пять на вид.

– Вы к кому? – Гаврилин даже улыбнулся, услышав каким официальным тоном задала этот вопрос Лизавета.

– Мне бы Никиту, – посетитель умудрился сказать фразу одновременно и твердо и просительно.

Гадом буду – полковник, – решил Гаврилин. А вот Клоуну не повезло. Гаврилин покосился на Лизавету. Что предложит медицинский персонал?

– Я сейчас посмотрю, – сказала Лизавета, – он кажется вышел...

– На процедуры, – подсказал Гаврилин.

– На процедуры, – вслед за ним повторила Лизавета и осторожно, за спиной показала Гаврилину кулак. – Если у него уже все... закончилось, я его позову.

– Хорошо, у меня есть время, – кивнул посетитель и сел на стул.

Уверенный мужик. Ведет себя так будто не вломился в палату в начале третьего, а так, к приятелю зашел. А может, и вправду к приятелю. Хотя...

Гаврилин изучающе посмотрел на него. Если это к Никите, то и род деятельности у них с Клоуном один. И очень определенный род.

Да что же такое? Гаврилин сжал под одеялом кулаки. Ну чего это он распахивался? Ну пришел и пришел. Вот к нему тоже два посетителя приходило... Или приходили? За один день.

Гаврилин вздрогнул и поморщился от боли в боку. Когда к Гаврилину приходили посетители, медсестру об этом предупреждали по телефону, и она интересовалась у Гаврилина

хочет ли он видеть кого-нибудь. Иначе охрана бы просто не пропустила посетителя, тем более в такой поздний час.

А этого вот охрана пропустила.

А если у Никиты неприятности? Не должно бы, если верить Григорию Николаевичу. Клиника – нейтральная зона. Здесь разборки не происходят. Здесь вы, Саша, сможете спокойно подлечиться. Заодно немного познакомитесь с материалами будущей операции.

Блин. Большой такой, горелый блин. Не на полковника похож посетитель. Не на полковника вовсе, а всего лишь на майора. Правда, майора крутого, хоть и бывшего.

Спасибо отцам-инструкторам. Научили-таки запоминать просто автоматически и текст, и лица на фотографии. Как там было изложено в папочке?

Гаврилин пошевелил губами, вспоминая. Майор. Морская пехота. Последняя должность – зам командира отдельной бригады по специальной подготовке. Ушел в отставку по состоянию здоровья. Официально. А неофициально – использование служебного положения... Очень обтекаемая формулировка. Что-то там у него не сложилось со службой. Возраст – сорок три года. Это все в прошлом. А сейчас...

Вспомнить. Нужно обязательно вспомнить. Ведь обратил же Гаврилин на него внимание. Из-за чего?

Так, папка о местных криминальных кадрах. Значит майор... Кличка – Краб. Гаврилин перевел дыхание. Пошло. У него всегда так, когда вспоминаешь что-то важное. Вначале

нужно преодолеть какой-то барьер, а потом все идет как бы само собой.

Кличка – Краб. Занимает очень близкое положение возле некоего Хозяина. Лично убил несколько человек, отвечает у Хозяина за... Зам по специальной подготовке. Имеет группу боевиков, очень высоко котирующуюся в городе. И не только в городе.

Нет, а как сидит! Гаврилин смотрел на Краба из-под прикрытых век, благо тот сидел к Гаврилину боком и смотрел на дверь. Спокойный и очень уравновешенный. Очень при этом агрессивен. Такого, естественно, охрана пропустит в больницу в любое время. Человек от самого Хозяина.

И ему зачем-то понадобился симпатичный парень по кличке Клоун, которого только сегодня привезли в больницу со сквозным ранением плеча.

Гаврилин чуть не завыл. В полный голос. От злости на самого себя и на весь мир. И на Григория Николаевича. Отдыхайте, Саша, спокойно, у вас есть время. Операцию начнем... Вот она, операция, пришла в гости сама.

Все ведь было перед глазами и снова прошляпил. Кретин. Полный и безысходный кретин.

Вот Клоун открывает очередную бутылку коньяка. Вот выбрасывает в окно, широко размахнувшись левой рукой, окурок, вот легко несет на руках млеющую Леночку из хирургии. На руках, кретин. На двух руках. Одна из которых у Клоуна должна быть прострелена, да так, что он лег в кли-

нику.

Отдыхайте, Саша. Отдыхайте. Твою мать. Может, совпадение? Может. Может, Клоун мужественный парень и стойко переносит боль.

Мысли суетились в голове, а руки осторожно откинули одеяло. Ясно, что не получится, ну хоть попробовать-то можно. Вот приспичило хворому в сортир среди ночи. Очень даже может быть.

Гаврилин сел на кровати и нашарил ногами тапочки. Кто придумал, что в экстремальных ситуациях боль уходит? Дурак придумал. Бок пекло немилосердно. Сердце колотилось в треснувшие ребра так, что свободно могло сломать их окончательно.

Отдыхайте спокойно, Саша.

– Прохладно здесь, – в пространство сказал Гаврилин и осторожно снял со спинки стула спортивную куртку. Только не стукнуть ею о мебель. Не дай Бог услышит морпех в отставке стук сотового телефона о дерево. Еще подумает, что я за пистолетом полез.

Гаврилин встал с кровати и набросил куртку на плечи.

Теперь уединиться. Выпустит Краб его из палаты или нет?

– Что-то затянулись у Никиты процедуры, – сказал Гаврилин и почувствовал, что еще немного, и голос будет дрожать от возбуждения.

– Дело молодое, – сказал не отрывая взгляда от двери Краб.

– Ага, – Гаврилин чуть не кивнул сторяча, – пойду прогуляюсь.

Вот сейчас майор и врежет. Гаврилин двинулся к двери, на всякий случай прикидывая возможные варианты драки. Все варианты сводились к тому, что лежать наблюдателю в бессознательном состоянии. Только не суетиться.

Пахнет от Краба каким-то резким импортным лосьоном. Следит за собой мужик.

– Я не мешаю? – спросил Краб.

– Нет, все в порядке. Я пройду. – Тон дурацкий, почти жалобный. Неужели так сдрейфил Саша Гаврилин?

В какую сторону открывается дверь палаты? К себе или... В коридор. Все правильно, в коридор, по требованиям пожарной безопасности. Только бы никого не было в коридоре. А то путешествие окажется очень коротким.

Как болит бок. И как кружится голова. Не нужно было пить. Не нужно было. Особенно в такой компании.

Стены коридора медленно колыхались, изгибаясь небольшими волнами. Пол ощутимо ерзал под ногами. Сбежать хочется. Гаврилин закрыл за собой дверь и огляделся. Никого.

А теперь – в туалет. Главное – не терять равновесия. Осторожно. Остороженько.

Зайдя в туалет, Гаврилин сразу же вытащил из кармана телефон. Дошел. Сейчас звякнуть Хорунжему и все. И останется только продержаться несколько минут до подхода основных сил.

А ведь расслабился. Который уже месяц серьезным делом занимается, а все продолжает мыслить киношными категориями. Выжил герой в финальной перестрелке – конец фильма, и герой будет жить долго и счастливо.

Расслабился. А расслабленный герой такая же глупость как... Ну как сотовый телефон без аккумуляторов. Гаврилин еле сдержался, чтобы не врезать телефоном о кафельный пол.

Ай да Клоун. Везде поспел. Когда же это он успел аккумуляторы выдрать?

Что дальше? Финальная, говоришь, перестрелка? До нее еще дожить надо. Гаврилин покрутил в руках бесполезный аппарат. Позвонить.

А может устроить маленькую пожарную тревогу?

Лучше позвонить.

В рельсу.

Телефон. В комнате у медсестры есть городской телефон. Точно. Гаврилин выглянул в коридор. Никого. Да здравствует Леночка из хирургии! Ура. И слава отечественным строителям, устроившим комнату дежурной сестры всего в трех метрах от туалета.

Три метра. Пять шагов. Шесть. Семь. Совсем он сдал. Ноги не хотят отрываться от пола. Ну еще немного! Совсем чуть-чуть. Дверь еще может оказаться на замке, подумал Гаврилин и рванул дверь.

Кабинет закрыт не был, Гаврилин с трудом устоял на но-

гах. Куртка свалилась с плеч, но на нее Гаврилин уже внимания не обратил. Старомодный черный телефон с диском стоял на столе возле окна. Два шага. Три.

Прямой. Телефон здесь должен быть прямой. Обязательно. Иначе...

Гаврилин снял трубку правой рукой, потом переложил ее в левую. Набрать номер.

Какой тугой диск. Палец соскользнул и Гаврилин ударил по телефонному аппарату рукой. Набирать заново.

Есть. В трубке прозвучал длинный гудок. Хорунжий всегда берет трубку сразу после первого гудка.

– Да?

Это я. Гаврилин просто хотел сказать – это я, но не смог. В спину что-то ткнулось, и голос Краба сказал:

– Положи трубку.

Суета

Хорунжий две или три секунды слушал короткие гудки. Потом отключил телефон. Звонок в три часа ночи. Хорунжий быстро оделся, взял со стола пистолет и сунул его в кобуру.

Всякое бывает на свете. Кто-то мог ошибиться номером и услышав незнакомый голос повесить трубку. Могло быть.

Хорунжий взял в руки телефон и набрал номер сотового Гаврилина. И механический голос сообщил ему, что этот номер временно недоступен.

Гаврилин мог уронить свой телефон. Мог. И это тоже Хорунжий допускал. Он надел кожаную куртку, обул массивные ботинки. Разные вещи на свете случаются. Самые-самые разные.

Хорунжий спустился по лестнице и вышел на улице. А подмораживает. Резко так, словно из засады навалился на землю мороз. Лужи уже замерзли и белесо отсвечивали в свете редких фонарей.

До клиники ему ехать минут пятнадцать. Минус гололед. Двадцать минут. Хорунжий не прикидывал варианты, не строил предположений. Он просто позволил вариантам самим выстроиться по степени вероятности на успех. Главное не мешать мозгу работать. А потом можно будет действовать. На рефлексах, на инстинктах. Мозг должен быть чист,

сознание не замутнено.

Мелькнула было мысль вызвать кого-нибудь из группы. Не нужно. Это успеется. Вначале нужно просто проверить. Убедиться самому.

Машина въехала в парковую зону, и Хорунжий немного притормозил. Темно, скользко. Не хватало еще поцеловаться с кем-нибудь. Взгляд на часы на панели. Еще пять минут до клиники. Если в таком темпе.

В зеркале заднего вида что-то мелькнуло. Не один я езжу в такое время, подумал удовлетворенно Хорунжий и затормозил. Машину немного занесло. Осторожнее нужно.

Хорунжий включил аварийные маячки, взял с заднего сидения машины аккумуляторный фонарь и вышел на дорогу.

Машина приближалась не слишком быстро, и Хорунжий мысленно похвалил водителя. Не стоит гнать по такой дороге. Молодец. И машину бережет.

Хорунжий включил фонарь и направил луч света навстречу подъезжающей машине. Потом осветил себя и свой пошарпанный БМВ.

Подъехавшая машина затормозила. Белая «девятка». В салоне – один водитель.

– Тебе чего? – спросил водитель «девятки» высунувшись из машины.

Хорунжий как бы случайно осветил дорогу вокруг себя и пустой салон БМВ. Тут безопасно. Не бойся, мужик, вылезай из своей тачки.

– Что-то с движком. Заглох ни с того ни с сего.

Водитель жигулей вышел на дорогу. Крупный молодой парень.

– Ты где заправлялся? – спросил он приближаясь.

– А что?

– Может вода попала в бензин. Приморозило и пожалуйста.

– Что ж тогда делать?

– Если и вправду замерзла вода – подвезу тебя куда надо, а завтра отбуксируешь, – мужик остановился возле Хорунжего. На пол головы выше и килограммов на десять тяжелее, автоматически отметил Хорунжий и ударил. Не сильно, только так, чтобы немного отключить парня.

Придержал падающего, аккуратно положил его на асфальт, открыл заднюю дверцу БМВ и впихнул туда водителя жигулей. Завел его руки за спину и защелкнул на них наручники. Широкой изолентой обмотал несколькими витками ноги у щиколоток. Заклеил рот.

Потерял три минуты. Не страшно. Хорунжий сел за руль БМВ и отогнал машину под прикрытие деревьев в парк. Перегнулся через спинку кресла и похлопал лежащего по лицу.

Тот открыл глаза и захрипел.

– Не шуми, – сказал спокойно Хорунжий, – лучше послушай. Если понял меня – кивни.

Парень кивнул.

– Давай сразу выясним – если бы я хотел тебя убить – уже

убил бы. Так?

Кивок.

– Далее. Оставлю я тебя в этой машине, чтобы ты не дай Бог не замерз и не простудился. Твою машину я у тебя одолжу на... – Хорунжий прикинул в уме, – ... на сорок минут. Потом верну. Если будешь себя хорошо вести. Попытаешься сбежать...

Парень замотал головой.

– Попытаешься сбежать – найду. Твои документы у меня. Понял? Вот и отлично.

Хорунжий закрыл двери своей машины на ключ и немного пробежал до оставленной на дороге «девятки».

Поехали.

Радиоприемник в жигулях работал. Передавали какую-то веселенькую мелодию. Выключить. Музыка нам не нужна.

На повороте к клинике Хорунжий остановил машину. Вынул из внутреннего кармана глушитель, достал из кобуры пистолет. Насвистывая что-то, прикрутил глушитель к стволу. Оглянулся на дорогу. Никого и ничего. Дважды выстрелил в лобовое стекло «девятки». Стрелянные гильзы со звоном отлетели от бокового стекла и упали на пол салона.

Два пулевых отверстия в лобовом стекле были окружены ореолом трещин. Черные кружки в обрамлении белой изморози.

Поехали, сказал себе Хорунжий.

Пустота

Краб был недоволен, и Клоун его понимал. Чуть не прокололись они с телефоном. Не подумал он о том, что может этот Гаврилин двинуться к телефону в кабинете.

Спасибо хоть этот самый Гаврилин шуму не поднял. Вообще все по дурному получилось. Зачем было торопиться. Договорились же, что он выведет утром Гаврилина погулять за ворота.

Все-таки, не стоит подобных вещей делать в клинике.

Это, кстати, и сам Краб толдычил постоянно – правила нарушать нельзя. Нельзя.

Что-то ему об этом вот и Гаврилин говорит.

– Пусть тебя это не волнует, – спокойно сказал Краб, легонько подталкивая Гаврилина к лестнице, – я за все отвечу.

– Да какая мне разница кто ответит? Среди ночи переться черт знает куда. Руки уберите!

– Уберу, – пообещал Краб, – не шуми. Выпил – держи себя в руках.

– Выпил? – переспросил Гаврилин и оглянулся на Клоуна, – Выпил.

– Вот и поехали.

– А вы меня не с кем не спутали?

– Может и спутали, – согласился Краб, – к утру все и выясним.

А может и вправду напутали, подумал Клоун, идя за Крабом и Гаврилиным. Может действительно парень нарвался на улице и никакого отношения ни к кабаку, ни к Солдату не имеет? Тогда разберемся.

Если он не имеет к этим делам никакого отношения, зачем к телефону ломанулся?

Клоун почти сочувственно посмотрел на Гаврилина. Не повезло парню.

Здоровый, кстати, мужик. При его самочувствии выкушать столько выпивки и еще иметь возможность здраво рассуждать на темы нарушений правил! Вон даже умудрился вырвать свою руку у Краба.

– Не о чем нам с вами разговаривать!

– И это мы выясним. Выбора у тебя просто нет.

– Я если я просто не пойду?

– Мы тебя просто понесем.

– Да кто ты такой вообще?

Это он хорошо спросил, просто замечательно, одобрил мысленно Клоун. Кто вы такой?

– Я Краб, – привычно увесисто сказал Краб.

– Да хоть рак. Какого черта вам от меня нужно?

Краб немного опешил. Получалось, что этот тип его не знает? Не знает его, Краба?

Неужели ошиблись? Не мог бы человек, занимающийся делами с Солдатом, не знать первых людей в городе. Не мог. Все это Клоун ясно прочитал на лице Краба. Ай да Гаври-

лин...

Клоун успел подскочить к Гаврилину и поддержать его за руку. Чуть не поплыл по стене на пол.

– У него жар, – откуда-то сзади сказала медсестра.

Клоун оглянулся и увидел, что она стоит возле открытой двери палаты.

– Ничего с ним не случится, – сказал Краб.

Клоун молча взглянул ему в лицо. Что будем делать?

– Поехали, – решительно сказал Краб.

– А если действительно будет шум? – наконец спросил

Клоун. – Люди уже привыкли, что здесь всегда спокойно.

– Люди привыкли свои задницы от Солдата прятать.

Если он, – Краб кивнул на Гаврилину, – если он действительно что-нибудь знает об этом, все эти засранцы от радости...

– Ладно, – внезапно сказал Гаврилин, отстранив Клоуна, – хочешь покатаать меня – поехали. Утром сам

меня сюда привезешь. И извинишься. Клешни свои убери, членистоногое!

Лицо Краба окаменело. Вздулись желваки.

– Что уставился? – осведомился Гаврилин, – поехали к тому, кто тебя за мной прислал. Я с шестеркой трепаться больше не намерен.

Клоун на всякий случай стал между Гаврилиным и Крабом. Не стоило парню так разговаривать с Крабом. Ой не стоило.

Краб сдержался. Сцепил зубы, потом перевел дыхание и спустился по лестнице в вестибюль.

Спускаясь за ним вместе с Гаврилиным, Клоун тихо сказал:

– Не гони волну, Сашок. Захлебнешься.

– А у меня есть выбор? – Клоун услышал в голосе Гаврилина усталость и какую-то странную иронию. – Придержи свои советы для себя, герой войны.

Герой войны. Клоун облизнул губы. Хорошо бьет этот Гаврилин. Сразу же нашел болевую точку и приложил в нее точно и сильно. Герой войны.

Мог бы и достать Никиту Колунова парень. Вон как Краба. Только это Краба никто по этому самому месту не бьет, это Краб у нас плохо удары по самолюбию переносит. А Никита Колунов сам себя регулярно в раны тычит. Чтобы убедиться, что еще живой.

– На заднее сидение садитесь, – приказал Краб и сел возле водителя, хлопнув дверью.

– Помочь? – спросил Клоун у Гаврилина.

– Уже помог.

– Как знаешь, – пожал плечами Клоун. – Побереги силы – пригодятся.

– Для чего?

Клоун потянулся:

– Холодно.

– Для чего? – повторил свой вопрос Гаврилин.

– У нас есть человек, видевший тех, кто замочил Солдата и его людей. Свидетель.

Клоун придержал дверцу, пока Гаврилин садился в машину, держась рукой за бок.

Машина тронулась.

Кровь

Нолика колотил озноб. Противный, ползущий изнутри озноб заставлял дрожать у Нолика все внутри.

Сигарету Нолик даже не пытался прикуривать – дрожали пальцы. Не хватало еще, чтобы Кирилл заметил эту противную дрожь.

Нолик сжал руки в кулаки. Спокойно. Не нужно психовать. Можно просто прикемарить немного, пока еще доедут до места. Нолик закрыл глаза. Блин. Женские ноги скребут по листьям. Нолику даже показалось, что снова одуряюще запахло свежей кровью.

А он думал, что может все. Ведь после того, как писанул давно тех пацанов пырой, думал, что крови не боится. И не боялся ведь!

Когда при нем пускали несколько раз кровь разным мудакам, у Нолика в душе так ничего и не шевельнулось. Замочили и замочили. Когда пришлось вытаскивать два трупа из взорванной машины, даже брезгливости не испытал Нолик. Тогда это заметил и Краб, и Кирилл.

Краб тогда внимательно посмотрел на Нолика и хмыкнул, как тому показалось, одобрительно.

Что ж теперь его так разобрало? Нолик потерял руки. Суки, дрожат. Ладно. Но как она билась, эта баба. Как вырывалась. Он уже дважды ткнул ножом, пытаюсь нащупать сердце, а

она все билась и билась, все не хотела умирать, все смотрела ему в лицо немигающими глазами...

– Не спи.

– Что?

– Не спи, говорю, – Кирилл сунул Нолику пачку сигарет, – покури вот лучше.

– Не хочу.

– А я говорю – закури. Думаешь, я и так не знаю, что у тебя руки дрожат?

– Не дрожат.

– Хрен тебе, не дрожат, – засмеялся Кирилл, – дрожат. У меня тоже дрожали. Пока не привык.

Нолик осторожно вытащил из пачки сигарету, прикурил от своей зажигалки.

– И долго ты привыкал?

– Да не очень.

– Ну сколько? Год, два? Или ты по жмурикам считал?

– По жмурикам. На третьем... – Кирилл в последнюю минуту рассмотрел выбоину на дороге и дернул руль, – твою мать!

– На третьем привык?

Кирилл некоторое время молча смотрел на дорогу. Потом достал сигарету и закурил:

– На третьем я чуть с ума не сошел. Мне они начали по ночам являться. Только глаза закрою – привет.

– А когда попустило?

– Попустило, говоришь...

– Ну да, когда ты привык к этому?

– Привык... Ну привык.

– Сейчас уже не снятся? – Нолику действительно стало интересно, как это произошло у Кирилла. Он себе и представить не мог, что у невозмутимого Кирилла когда-то после первого трупы дрожали руки.

– Ты мне лучше вот сам скажи, Нолик, почему тебя не колотило, когда при тебе мочили других. Ну как тогда, на дороге?

– На дороге? – Нолик задумался.

На дороге... Ну да, остановили тачку, вывели водилу и его бабу. Сначала отхарили бабу, мужик чего-то там орал, потом, бабу долго резали у него на глазах, совсем рядом, перед самым лицом прикованного к машине мужика.

Краб резал. Брызги крови летели во все стороны, баба визжала, кричал мужик... Кто-то из пацанов не выдержал, и его стошнило. А он, Нолик, спокойно стоял в стороне и наблюдал, затягиваясь сигаретой.

– А чего там дергаться, – сказал подумав Нолик Кириллу, – как в кино. Что я по виду не видел такого?

– А Гроба стошнило. Он что, видака не смотрел?

– Ну не знаю я! Не проняло меня и все.

– Не проняло. В этом и весь фокус. Вот ты что с той бабой в лесу сделал? Ну сегодня?

– Замочил.

– Точнее.

– Ну это, ткнул ее несколько раз ножом, она подохла.

– Не выпендривайся, Нолик, не нужно казаться круче, чем ты есть на самом деле.

– А че ты доебался? Что сделал, что сделал? Бабу замочил! – Нолик опустил стекло, чтобы выбросить окурок. В лицо упруго ударил холодный встречный ветер. Нолик торопливо поднял стекло.

– Не психуй. А то в один прекрасный день съедешь крышей.

– Не съеду.

– Думаешь? И Гуся помнишь?

– Че ты мне Гуся тычешь? Он как был ебанутый, так и помер... Гусь!

– Да не был он поначалу ебанутым. Это потом, когда начал по мокрому работать, понравилось ему это дело, только это и стал делать. Мочить, мочить, мочить... Как бешенный стал. Вот его как бешенную собаку и пришили. Въехал?

– Въехал. И что же мне нужно делать, чтобы не сбеситься? Укол принять?

– Думать нужно по-другому. Помочь своей голове остаться нормальной.

– Это еще как? Я не убиваю, не убиваю, это мне только снится! – замогильным голосом протянул Нолик, пытаясь подражать интонациям гипнотизера.

– Почти. Ты должен понять, что ты не убил ту бабу. Ты

просто выполнил свою работу. Усек? Работу. Вроде как не ты ее замочил, а Краб.

– Краб... Краба там не было, между прочим.

– Козел, – без злости сказал Кирилл, – вот это ты бы сам там крутился, за сто с лишним километров от города. И бабу эту самую ты просто мечтал прирезать... Так?

– И мне от этого сразу полегчает.

– Не сразу. Может и не полегчать. Все от тебя будет зависеть. Или ты сможешь или нет.

– А что тогда?

– Тогда? Тогда ты либо себе в конце концов в лобешник пулю вгонишь, либо сопьешь к херам собачьим, на наркоте сторишь... Либо тебе это дело начнет нравиться. Как Гусю.

Нолик поцокал языком.

– Это ты меня пугаешь?

– А нахрена мне это?

– А нахрена тебе меня предупреждать? Родственник, что ли?

– А и сам не знаю. – Кирилл задумчиво посмотрел на Нолика, – Может мне тебя просто сейчас пришить. Остановить тачку, вывести тебя на морозец и посмотреть, каким ты получишься покойником.

Нолик посмотрел в лицо Кирилла и не увидел на нем даже намека на шутку.

– Чего ты завелся?

– Я?

– Чего ты, в натуре?

– Запомни, Нолик. Ты в моей команде. Я за тебя отвечаю.

И мы либо вместе, либо нет. Только если нет – не обессудь. И либо ты делаешь все как я скажу. Либо быть тебе просто полным нулем. Дошло?

– А мне говоришь – работа.

– Говорю.

– А сам...

– А как я тебе смогу доверять, если ты меня не понимаешь? Буду ждать, пока ты меня либо подставишь, либо попытаешься замочить?

Нолик молчал.

– Молчишь? Ну и славно. Будем считать, что твое первое производственное совещание закончилось. И еще...

– Чего?

– Ты про бабу уже забыл. Ведь так? И руки уже не трясутся.

Нолика с удивлением отметил, что озноб ушел. Не было ни страха, ни отвращения. Только усталость и голод.

Они так и ничего не пожрали за весь день. Ездочились до трех часов ночи, да так и не собрались похавать.

– Жрать хочу, – сказал Нолик, глядя перед собой.

– Приедем – накормят.

– Накормят... В кабак хочу.

– Хоти.

– Меня это казарменное положение уже задрало.

– Не ты один. Я своих детей уже две недели не видел. Даже на Новый год к ним не смог заехать.

– Вот и я говорю. Чего это Краб...

– Забыл про Солдата? Ты, может быть, только из-за этого казарменного положения и жив остался. Попал бы под пулю на улице...

Нолику захотелось сплюнуть набежавшую слюну, но открывать окно не решился. Холодно.

– Дом Хозяина точно не тронули бы.

– Так ты действительно решил, что у Хозяина всех наших пацанов спрятали?

– А что – нет?

– А ты подумай, для чего тридцать стволов круглосуточно ошиваются в усадьбе.

– Для чего? Охраняют.

– А это что значит?

– Что?

– А это значит, что Хозяин испугался.

– Брось, – Нолик чуть не засмеялся, – Хозяин испугался! Ты еще скажи, что это сдрейфил Краб.

Нолик это сказал и осекся. А ведь точно! И Краб, и Хозяин... Точно ведь серанули. Ни хрена себе!

Впереди, за голыми деревьями мелькнули огни усадьбы. Кирилл увидел, как оживился Нолик. Из засранца будет толк. Будет. Или он подохнет.

Суета

Охранник на воротах клиники «Гиппократ» Андрей Сергеев чувствовал, что потихоньку засыпает. Напарник его, Михаил Никоненко, сидел возле пульта опершись подбородком на кулак, и дыхание его было подозрительно ровным.

Усну, подумал Сергеев. В принципе ничего особо страшного в этом не было. Никто уже давно не пытался проникнуть на территорию клиники. Нету дураков ссориться сразу со всеми авторитетами города. Беспредельщики и заезжие звери тоже относились к клинике с должным уважением.

– Спишь? – спросил Сергеев у напарника.

– А? Нет, не сплю, – Никоненко помотал головой.

– Спишь, бродяга, – засмеялся Сергеев.

– Хоть спички вставляй!

– Ладно, утром сменят.

Сергеев потянулся, расставив руки в стороны, поправил наплечную кобуру:

– Жарко.

– Пойди, на улице остынь.

– Ага, щас все брошу и пойду на этот колотун.

– Как оно все сразу замерзло вдруг.

– Ты как думаешь, – спросил Сергеев, – зачем среди ночи приезжал Краб?

– Ты бы у него и спросил. Всего... – Никоненко посмотрел

на часы, – всего пятнадцать минут назад он выезжал. Вышел бы и спросил, какого хрена, мол посторонний приходил в клинику.

Сергеев на иронию не отреагировал. Он великолепно понимало, как собственно, и Никоненко, что так свободно пропустив Краба в клинику и обратно, они, по большому счету, нарушили инструкцию. Но ведь это был Краб.

И не смотря на то, что это был Краб, обоим было неприятно. Обычно они чувствовали себя людьми значимыми. Самые крутые посетители терпеливо ждали, пока они разрешат въехать. А Краб словно поставил их наместо. Лакей всегда останется лакеем.

– По кофейку? – спросил Сергеев вставая.

– По крепкому кофейку.

– Будет исполнено, – Сергеев взял было в руки кофеварку, но Никоненко вдруг наклонился к монитору – что там?

– Кто-то подъехал к воротам.

Сергеев через плечо Никоненко тоже наклонился к пульту. Какой-то жигуль.

– Дай увеличение.

Никоненко передвинул переключатель и изображение машины на экране приблизилось.

– Ни хрена себе! – протянул Никоненко.

В лобовом стекле машины виднелось два отверстия от пуль.

– Кажется, клиент подъехал, – сказал Сергеев.

– Выйди, посмотри.

– Иду.

Сергеев расстегнул кобуру, надел пиджак, подошел к двери и подождал, пока Никоненко с пульта ее откроет. Автоматический замок щелкнул.

Градусов двадцать мороза. Из рта повалил пар. Разгоряченное лицо стало легонько покалывать. Сергеев застегнул пиджак и почти пробежал десять метров до ворот.

Ворота приоткрылись так, чтобы пропустить охранника.

В белой «девятке» кроме водителя не было никого, он лежал лицом на руле.

Охранник посмотрел по сторонам. Пусто. Прожектора ярко освещали все подходы и салон машины. Только один водитель.

Сергеев осторожно приоткрыл дверцу машины со стороны водителя.

– Живой?

Тишина. Потом водитель попытался поднять голову, захрипел и стал сползать в сторону, в ноги Сергеева. Тот успел подхватить падающего. Тяжелый, зараза.

Сергеев повернулся к камере над воротами и махнул рукой.

– Что там? – через динамик на воротах спросил Никоненко.

– Черт его знает! Без сознания.

– Что?

– Без сознания! – крикнул Сергеев в сторону микрофона на воротах.

– Вызвать врача? – прохрипел динамик.

– Я тут околею, пока они приедут. Помоги его затащить!

– Я вызову, – сказал Никоненко.

– К Крабу сам выскочил бы, – зло выкрикнул Сергеев.

Тело водителя сползло на землю, выскальзывая из рук. Еще и мороз. Если Никоненко действительно станет вызывать дежурного врача клиники, то это займет не меньше получаса. Пока проснется, пока поднимет водителя, пока тот выгоним машину...

Ворота клиники открылись, из домика вышел Никоненко, застегивая на ходу пиджак.

– Я сейчас! – крикнул он.

Сергеев попытался поудобнее перехватить тело, потащил его из машины:

– Давай быстрее!

Никоненко подбежал, взял водителя «девятки» за туловище:

– Куда его ранило? Еще кровью выпачкаться не хватало.

– Не видел, – ответил Сергеев.

Куда же его? Сергеев вздрогнул. Запах. В машине не пахло кровью. Немного бензином, чем-то кисловатым. Порохом. В машине еле слышно пахло порохом.

Сергеев не успел ни выпрямиться, ни бросить раненого. Расслабленное до этого тело вдруг напряглось и словно бы

взорвалось в движении.

Никоненко отлетел от машины и замер неподвижно. Горло Сергеева словно сжала петля, в лицо ткнулось что-то твердое, остро пахнущее порохом. Ствол, понял Сергеев.

– Не нужно дергаться, – сказал водитель, – внимательно посмотри на пистолет. Что там у него на стволе?

Тиски на горле у Сергеева немного ослабли.

– Глу... глушитель.

– Вот именно – глушитель. Как ты думаешь, почему я просто не перестрелял вас двоих?

Сергеев закашлялся.

– Правильно, я не хочу вас убивать.

Никоненко завозился на земле. Нападавший, увлекая за собой Сергеева, приблизился к Никоненко и ударил рукоятку пистолета за ухо.

– Хорошо у тебя приятель удары держит. А ты как? У меня есть предложение – давай посотрудничаем. Обещаю, всего минут на тридцать. Никто даже не узнает. Идет?

Сергеев прохрипел что-то утвердительное.

– Отлично. Сейчас ты поднимешь своего приятеля с земли, чтобы он у нас не схлопотал пневмонию, и мы все вместе отправимся в ваш уютный домик. Возражений нет?

Шутник, почти беззлобно подумал Сергеев. Ему легко вот так выпендриваться с пистолетом в руках. В любой момент... Сергеев вздохнул. В любой момент он может просто нажать на спуск и...

Только в этот момент Сергеев вспомнил о своем пистолете, но мысли выхватить его не возникло.

– Кстати, – сказал нападавший, – я чуть не забыл. Достань, пожалуйста у своего напарника пистолет. Только аккуратно, не торопясь.

Сергеев наклонился над Никоненко.

– Без глупостей. Не будем устраивать соревнования в скорости.

– Вот. – Сергеев не оборачиваясь протянул через плечо пистолет.

– Теперь – свой. Очень хорошо. Теперь пойдём греться.

Сергеев взвалил Никоненко на плече и пошел к домику. Пока усаживал его на пол возле стены, нападавший извлек из видеомэгнитофона кассету:

– С этим что будем делать? Компромат, как никак. Ну ладно, это потом. Сейчас мы поболтаем.

Сергеев старательно рассматривал свои ноги и пол под ногами. Только не смотреть ему в лицо. Не смотреть. Тогда еще может быть шанс. Шансик остаться в живых.

– Сейчас мы поиграем в вопросы и ответы. Вот если бы я хотел узнать, кто за последний час въезжал на вверенную вам территорию, ты бы мне подсказал?

– Краб. Только Краб. Минут сорок назад въехал.

– И?

– И уехал минут пятнадцать. Двадцать. – Сергеев не знал куда деть дрожащие руки. Только не в карманы. Этот парень

держал пистолет в опущенной руке, Сергеев видел ствол, покачивающийся в такт разговора. Только не делать резких движений.

Наконец Сергеев сунул руки подмышки.

– Так, – сказал нападавший, – а что, Краб приезжал один?

– Один, с водителем. Приезжал один с водителем. Я выходил смотреть.

– Приезжал – один, – с нажимом констатировал собеседник, – а уезжал?

– Не знаю.

– Что?

– Правда, не знаю.

– Хочешь сказать, что не осматривал машину на выезде?

А мне говорили, что это приличная клиника. Что ж так? Нехорошо.

– Это... – Сергеев облизнул губы, – это... ну это был ведь Краб...

– И тут все делается по блату... Печально.

Сергееву показалось, что пол уходит из-под ног.

– Ну ладно, – наконец сказал нападавший, – а вот если бы мы захотели узнать, что Краб делал в клинике, что бы нам нужно было для этого сделать?

– А, можно позвонить. На пост, в корпусе. Он туда ездил.

– Прекрасно. И кто из нас будет туда звонить?

– Я. Я позвоню! – Сергеев торопливо шагнул к пульту.

– Только спокойно. На дворе ночь, все полусонные, всем

хочется спать.

– Да-да... Понял.

– Очень хорошо.

Сергеев несколько раз не мог попасть по кнопкам телефона, застонал. На глаза попала кнопка тревоги. Красная кнопка тревоги. Всего лишь пошевелить рукой и там, в глубине клиники зазвучит сигнал.

А тут. Тут прозвучит негромкий выстрел из пистолета с глушителем, и охранник Андрей Сергеев умрет на работе.

– Да? – наконец-то дозвонился.

– Привет! Это Сергеев.

– Не спится?

– Нет, – Сергеев покосился на пистолет, – мы тут с Мишкой поспорили, зачем это Краб приезжал.

– Не поверишь.

– Поверю, – Сергеев сглотнул, – зачем.

– Мне по яйцам въехал, Игорька отмудохал.

– И все?

– А что – мало? Игорь вон считает, что многовато сделал.

Сергеев несильно постучал кулаком по пульта. Что же он там плетет?

– Так он за этим приезжал? Никого не забирал?

– А ты что, в машину на выезде не заглядывал?

– Не успел. Мы тут решали, кому из нас к Крабу за пиздюлями выходить, – с злостью сказал Сергеев.

В трубке засмеялись.

– Настроение у тебя хорошее, Макс, хоть и по яйцам получил. Что так?

– Меня Краб к себе в группу позвал. Так что я с завтрашнего дня увольняюсь отсюда.

– Поздравляю. Так забирал кого-нибудь Краб?

– Двоих из инфекционного отделения. Гепатитчиков. Своих людей, того, что с Нового года у нас, и Никиту Клоуна.

– Точно?

– Точно. Да что ты в самом деле волнуешься?

Сергеев сжал кулак:

– Не волнуюсь, на всякий случай просто решил узнать. Мало ли, вдруг завтра спросят, за чем приезжал Краб. Мне в отличие от тебя, работу не предлагали. Пока.

– Пока, – Сергеев положил телефонную трубку и вытер рукавом вспотевший лоб.

– Да ты артист, – одобрительно сказал нападавший, – вы когда сменяетесь?

– В восемь утра, – автоматически ответил Сергеев и внутри у него все сжалось. Теперь он может просто выстрелить и уйти. Теперь ему Сергеев уже не нужен.

– Как ты считаешь, если начальство твое обо всем узнает, ты долго еще будешь здесь работать?

Сергеев мотнул головой.

– Не долго, – сказал нападавший. – Как тут у вас с учетом видеокассет?

– С обзором периметра?

– Да. Если вдруг эта кассета потеряется, сможешь отбредаться?

– Да. Смогу. Их смотрят только тогда, когда что-то происходит. Смогу.

– Ага, а у нас сегодня ничего ведь и не случилось. Правда?

– Правда, – охранник говорил торопливо, ему ясно давали понять, что есть шанс остаться в живых. – Ничего не было.

– Только вот твой напарник...

– Он будет молчать.

– Уверен?

– Уверен. Все жить хотят.

– Вот это правильно. Ну хорошо, кассету я забираю. Теперь мы с тобой весело идем к машине. Только пожалуйста, не споткнись. Не нужно нам портить прекрасно проведенную встречу.

Сергеев, прислушиваясь к шагам за спиной, прошел за ворота к белым жигулям, остановился на обочине, демонстративно повернувшись спиной к машине. Он даже пытался молиться, но молитва вышла однообразной. Господи, спаси! Господи, спаси! Господи...

За спиной завелся мотор, машина развернулась. Господи...

– Спасибо за сотрудничество, – сказал водитель, – пистолетик твой и приятеля твоего, я, извини, в кусты бросил. Придется поискать. Спокойной ночи.

Господи, спаси...

– Чуть не забыл – молчание золото. Начнешь его тратить – расплатишься с процентами.

Сергеев стоял, пока звук двигателя не скрылся за деревьями. На лице застывал пот, холодный воздух обжигал легкие, но Сергеев этого не чувствовал.

– Спасибо, – прошептал он, – спасибо...

Минут пять он ползал на коленях в кустарнике, цепляясь костюмом за колючки, пока не нашел пистолеты.

У него хватило сил дойти до пульта, закрыть ворота. Никоненко завозился на полу. Застонал.

Сергеев сел возле него на пол, съехал спиной по стене.

– Твою мать, – прохрипел Никоненко, – что это было?

Голова болела, и Никоненко не сразу понял, что его напарник смеется. Вначале ему показалось, что напарник плачет.

Наблюдатель

Не спать. Если закрою глаза – мгновенно укачает и тогда точно сблую. В тридцать три струи, не считая брызг. Нет, оно, конечно, неплохо сделать лишнюю пакость товарищу майору. С другой стороны, как же тогда из себя изображать обиженного крутого. Подчеркиваю, не справедливо обиженного.

Или не стоит так откровенно портить отношения с самим Крабом? Вон даже у Клоуна на лице появилось выражение жалости, когда он услышал, как Гаврилин достает Краба.

Какие все-таки они одинаковые, эти полковники. Даже если они майоры в отставке. Сдержат эмоции он может, а вот простить оскорбление...

Краб чуть зубы себе не сломал, так сцепил челюсти.

Его дело. Пусть попсихует немного. Никто ему не навязывался в попутчики. Чем больше он психует, тем больше вероятность того, что он допустит ошибку.

Если честно, Саша Гаврилин, то шанс у тебя все равно получается маленький. Одноклеточный. Без микроскопа не разглядишь.

Может, не стоило вести себя так? Гаврилин перешел на хамский тон автоматически, когда понял, что все равно придется ехать и отвечать на вопросы. Так или иначе.

А так ему удалось отвоевать хоть несколько минут воль-

ного состояния. Он не пленный пока, а всего лишь попутчик. А это значит, что он свободно может общаться с...

Краб в качестве собеседника отпадает сразу. Не то у него настроение. Никита Колунов. Симпатичный болтливый парень. Герой войны. И, кстати, в отличие от Краба не записывал там в коридоре.

Чем не собеседник?

– Ты хоть Ленку успел трахнуть?

– Не успел. На самом интересном месте нас и прервали.

– Так тебе и надо. У меня из-за твоего коньяка в голове черт знает что творится, и рана как огнем горит.

Клоун засмеялся:

– Коньяк, между прочим, фирменный был. Классный был коньячок.

– Ну да, а ты его стаканами...

– Так ведь торопился.

Торопился он, подумал Гаврилин, поглаживая бок, который болел немилосердно.

– Теперь опять придется коньяк покупать.

– Это зачем?

– А когда вы найдете того, с кем меня спутали. Опять придется его спаивать.

– Не придется, – внезапно сказал Краб, не оборачиваясь, – ты все и расскажешь.

– Опять начал? – с угрозой в голосе спросил Гаврилин, – я не с тобой буду разговаривать а с твоим хозяином.

– С Хозяином? – переспросил Краб.

– С хозяином. У таких бульдогов как ты, всегда есть хозяин.

Краб промолчал. Тяжело, с надрывом, но промолчал. Он может себе позволить промолчать, подумал Гаврилин. Немного потерпеть. А потом уже разобраться с наглым типом по фамилии Гаврилин.

– Чего ж ты к телефону бежал, раненый? – спросил Клоун.

– А не хрен было мой сотовый раздалбывать! Кулибин!

– И кому же ты собирался звонить?

– Пацанам своим.

– Это еще с чего?

– А ты вот на его рожу внимательно смотрел? – Гаврилин ткнул пальцем в сторону Краба, – у нас в части, когда я служил, прапорщик был. Фамилия очень подходящая – Лопата. Вот такое же личико. Ночью встретишь, всю мелочь из карманов отдашь.

Прапорщика он мне точно не забудет, подумал Гаврилин. Не забудет. Припомнит.

Машину тряхнуло, и Гаврилин тихо взвыл, вцепившись в бок.

– Тебя когда в армии ранило, очень больно было? – отдышавшись спросил Гаврилин у Клоуна.

– По разному.

– Военная тайна?

– Нет, просто не все помню.

Загрустил что-то Клоун. Слишком быстро он переходит от состояния веселья к унынию. Гаврилин погладил свою рану. Спокойно, милая, сейчас мы поковыряемся в чужой душевной ране.

– Так тебя что, еще и контузило?

– Тебя никогда не таскали на плече? И чтобы в тебе было восемнадцать дырок? Не таскали?

– Не довелось.

– Твое счастье. Меня парень один нес двое суток. Сорок восемь часов. Сколько раз я сознание терял, сколько в себя приходил – никто не знает.

Сволочь ты, все-таки, Гаврилин. Редкостная, изошренная сволочь. Ведь видишь же, что тяжело человеку... А мне легко, оборвал себя Гаврилин.

– Так это ты ему задолжал?

– Ему.

– А что за парень?

– Я толком и не знаю. Был у нас один лунатик. Ходил в одиночку, почти ни с кем не общался. На меня наткнулся случайно, когда шел на задание. В результате меня вынес, а задание не выполнил.

– Это ты у высшего начальства узнал?

– Это он мне при встрече рассказал, когда я уже выздоровел.

– Выпили, небось, поговорили? – Гаврилин сказал это безразлично, но в душе что-то заклубилось, как легкий туман

над водой. Это было бы слишком большим совпадением. Слишком большим. Но в одиночку в Афгане на задания ходило не так уж много народу...

– А вот угадай, какой у нас получился разговор через пару месяцев. Он, оказывается, потом тоже пулю подцепил и попал в тот же госпиталь.

– Хватит болтать, – вмешался Краб, – приехали.

Машина затормозила, из темноты в свет фар вынырнул человек, заглянул в машину, что-то сказал негромко, потом отступил в сторону и махнул правой рукой, придерживая левой автомат.

Машина въехала во двор усадьбы. Такие Гаврилин видел только в кино. Дворянское гнездо, с колоннами, фонтаном перед фасадом. Ничего себе, подумал Гаврилин.

Машина остановилась не у двухэтажного здания, а у отдельно стоящего между высоченными деревьями домика.

Краб открыл дверцу и вышел из машины. Клоун открыл свою дверцу.

– Хочешь, скажу, как прошла ваша встреча? – тихо спросил Гаврилин у Клоуна.

– Как?

Гаврилин ни чем не рисковал. Ошибиться – Клоун только усмехнется. А вот угадать... Как мог Палач отреагировать на человека, из-за которого не смог выполнить приказ?

– Он попытался пройти мимо тебя, как мимо пустого места. А когда ты заговорил с ним, он тебя просто слегка вы-

рубил. С брезгливым выражением лица. Так?

Клоун обернулся к Гаврилину:

– Так.

– А потом, – Гаврилин лихорадочно прокручивал в голове биографию Палача.

Через месяц после его второго посещения госпиталя, Палач был переведен на нелегальное положение. Для всех он не вернулся с очередного задания.

– Через месяц он погиб, тот парень. Точно?

– Откуда ты знаешь?

– И звали его... – Гаврилин решил играть ва-банк, – ... звали его Слава.

– Откуда ты это знаешь? Откуда? – Клоун вцепился в плечо Гаврилина.

– А я был с ним знаком, – Гаврилин оттолкнул руку Клоуна, – уже после его смерти.

– Уснули вы там? – спросил снаружи Краб.

– Сейчас, – ответил Клоун и тихо спросил у Гаврилина, –

Он жив?

– Был жив.

– Когда?

– Когда мы с ним вместе были в ресторане «Старая крепость».

Глава 3

Суета

Хозяин не спал. Он вообще последние пять лет спал мало. Бессонница. Врач предлагал снотворное, но химию Хозяин не признавал. Валериана – самое сильное успокаивающее средство, которое он себе позволял.

Иногда Хозяин с усмешкой смотрел на свое отражение в зеркале. Старый. Все лицо словно изрезано морщинами. Глубокими, словно шрамы от ножа. Даже старого следа от финки почти не видно. Жизнь – она писарь покруче, чем ростовский блатной.

Ночь для Хозяина мало отличалась от дня. Просто становилось темно за окном, и внучки отправлялись спать. Из всех радостей жизни Хозяину остались только три смешливые девчонки-погодки. Вера, Надежда и Любовь.

Поначалу он был против этих имен. Слишком это все было похоже на воровскую романтику. Хозяин ни как не отреагировал на имя первой внучки, но когда сын сообщил, что вторую дочь решил назвать Надей, Хозяин закрылся с сыном в кабинете и долго разговаривал. Он не хотел, чтобы на его семью падала хоть какая-нибудь тень прошлого.

Не за тем он сына вытолкал наверх, чтобы из того лезли

воровские замашки. У сына будет другая жизнь. И у внучек.

А у него, у Хозяина, жизни скоро не будет вообще.

Первую свою ходку в зону Хозяин по молодости перенес тяжело. Знал, что это нужно, знал, что без этого не будет авторитета, но ограда его душила. Он голодным волчьим взглядом смотрел сквозь «колючку» и ушел бы в бега, если бы не старый вор, державший «зону».

Хозяина остановили в самый последний момент, для остратки сломали пару ребер, а потом Каленый долго вправлял молодому мозги.

– Воля не там, – сказал он, махнув рукой в сторону забора, – воля вот тут.

Вор постучал узловатым пальцем по груди.

– Пока она у тебя там, никто у тебя ее не отберет. И «зона» – тоже там. И от нее ты тоже никуда не денешься. Бегай – не бегай... Ни перед кем не гнись, закон помни, слово держи.

Хозяин это запомнил. Но понял все это только к старости. За пределы усадьбы он уже давно не выходил. Он прожил долгую жизнь, и вот теперь снова жил в зоне. И конвоирами у него были старое тело и страх.

Он не боялся смерти. В бога не верил, на загробную жизнь не надеялся. Смерть представлял себе как абсолютный конец. Без боли, без мыслей, без чувств.

Хозяин боялся того, что после его смерти все рухнет. Развалится, рассыплется, разлетится по ветру. Или что еще хуже, начнется свара среди своих. И польется кровь.

Когда Солдат начал свои гастрели в городе, Хозяину вдруг показалось, что это начало краха. Что катастрофа пришла неожиданно и неотвратимо, что он сможет своими глазами увидеть, как рушится все.

И еще показалось, что кто-то специально делает все так, чтобы продемонстрировать ему, Хозяину, его слабость. Били по системе, по шестеркам. Удары наносились по деньгам, по связям, по самолюбию.

Многим казалось, что Солдат просто несется вслепую, нанося удары направо и налево, а Хозяин видел, что все происходит по определенной схеме.

Увидеть во всем происходящем систему мог только Хозяин, а это значило, что все это было предназначено для него как послание.

Хозяин не спал. Он разучился спать очень давно. В этом были свои плюсы. Он мог думать, перепроверять варианты, строить предположения.

И он мог делать это очень хорошо. Когда вдруг, утром первого января стало известно, что группа Солдата уничтожена, в отличие от остальных, Хозяин не стал радоваться. То, что девятнадцатилетний сопляк-дезертир получил пулю в ресторане «Старая крепость» после полутора месяцев непрерывных убийств, на Хозяина не произвело почти никакого впечатления.

Солдат был исполнителем, шестеркой. Пусть об этом говорят что угодно, но Хозяин знал твердо – для него еще ни-

чего не закончилось. Придет день, или час, и кто-то снова возьмется за него. Кто-то безжалостный и умный. И отлично информированный.

По этому поводу у Хозяина были свои мысли. Он ни с кем ими не делился, даже с Крабом.

С Крабом в первую очередь.

Для всех Краб был правой рукой Хозяина, воплощением его воли и силы. Сам Краб, похоже, с таким своим приближенным к Хозяину положением, пока мирился. Это «пока» Краба было спрятано очень хорошо в исполнительность, в подчеркнутую беспрекословность, но Хозяин редко ошибался в людях.

И Краб очень активно занялся поиском тех, кто уничтожил Солдата и его банду. Слишком активно.

Хозяин не мешал Крабу. Не ограничивал его инициативу, не возражал против кровавых брызг. Краб задумал что-то свое – его право. Хозяин помнит свое. И правая рука не всегда знает, что делает левая.

Хозяин не спал. Он не спал, когда привезли лабуха из «Старой крепости», не спал, когда вернулись Нолик и Кирилл.

Когда, мазнув желтым светом фар по окнам дома, во двор въехала машина Краба, Хозяин тоже не спал. Он сидел в кресле возле окна и думал. У него выстраивался интересный вариант дальнейших событий.

Когда дверь комнаты открылась, вывалив в темноту пря-

моугольник света, Хозяин никак не отреагировал.

Краб кашлянул. Хозяин немного подождал, и когда Краб набрал в легкие воздуха, чтобы окликнуть его, вдруг спросил:

– Что?

Краб осекся. Еще раз кашлянул.

– Я привез его.

– Кого именно?

– Того, кто в кабаке убрал Солдата.

– Это точно? По моему, его музыкант еще не видел. Или я ошибаюсь?

Краб некоторое время молчал. Зачем так нервничать, подумал Хозяин и улыбнулся.

– Это точно он.

– Кто из них? Их, как мы уже знаем, было двое, если не считать того, кто тоже остался лежать в кабаке.

– Александр Гаврилин, поступил в клинику утром первого января с огнестрельным и резанным ранениями. Внятно ничего не объяснил.

– Там никто ничего внятно не объясняет. И, кстати, мы ведь договаривались, что вывозить его будем только завтра.

– Я решил не рисковать.

– Это очень хорошо, рисковать нам не нужно, – Хозяин снова улыбнулся, Крабу приходилось разговаривать с темной комнатой, не видя лица собеседника. Это не могло не злить его.

– А если это все-таки не он? Как ты это объяснишь людям?

– Это он.

– Я тебе верю. А за остальных – не ручаюсь.

– Я прямо сейчас сведу этого Гаврилина с лабухом. Тот его опознает.

– Может опознает. Может быть. А если нет?

– Это точно он, я отвечаю.

– Тогда вот что, сейчас сведешь их, поговоришь, с лабухом можешь делать все что угодно, – Хозяин задумался, – лабух нам уже не нужен, как я полагаю?

– Не нужен.

– Тогда, если он твоего Гаврилина опознает, ты с ним поработай. Гаврилин мне нужен целый и невредимый, но подготовленный к разговору. Понятно?

– Понятно. А Гаврилина?...

– А с Гаврилиным я после этого хочу поговорить лично. Понятно?

Краб вздохнул.

– Я спросил – понятно?

– Да.

– Ну иди, я пока вздремну.

Краб прикрыл дверь аккуратно, без стука. А ведь нервничает, подумал Хозяин, чего ему так нервничать?

Кровь

Сергей Головин всегда называл себя музыкантом. Он играл музыку, а не лабал ее, даже если десяток раз за вечер приходилось заводить «Пацаны, не стреляйте друг в друга».

Лабухом быть унизительно. Унизительно брать из потных рук мятые купюры. Унизительно, но прожить без этого было трудно.

Деньги – это... Головин никогда не вдавался в философию, но не задумываясь мог ответить, что деньги – это все. Все на свете. И он умел делать деньги, умел правильно выбрать репертуар, умел... Да он все умел, даже притворяться, что не является лабухом.

Когда-то, очень и очень давно, он даже закончил консерваторию. И даже попытался работать в городской филармонии. Ни денег, ни славы это не принесло.

Потом его пригласили сыграть на свадьбе, он согласился и после двух дней непрерывных «Семь – сорок» и «Цыганочек» несколько обалдело рассматривал деньги, полученные за это.

Потом были еще свадьбы, потом – еще. Потом приятель познакомил его с администратором, вернее, администраторшей ресторана, и Головину удалось убедить ее в том, что именно его группа должна музицировать в кабаке. Процесс убеждения Головин тоже не любил вспоминать. За все нуж-

но платить. В консерватории эту премудрость не преподавали, это Головин понял сам и этому учил часто сменяемых в ансамбле солисток.

Дело, в общем-то, житейское. Появились связи, менялись кабаки, менялся состав ансамбля. Все текло, все вытекало...

Он продолжал обижаться на «лабуха», но не испытывал отвращения к работе под синтезатор. Потихоньку их осталось трое. Деньги стало проще делить. Но их стало меньше. «Старая крепость» никогда не была особенно крутым рестораном, но выбора не было.

Идея Новогоднего представления пришла в голову владельцу кабака, сам он планировал встречать Новый год дома, но остальные получили возможность подработать.

Подохнешь ты в своем кабаке, сказала Головину жена. Головин ушел, хлопнув дверью. Потом, после стрельбы, убийства напарника, бегства через темный парк с толпой обезумевших от страха и от неожиданного спасения посетителей, он долго и сбивчиво все это рассказывал жене. В голове билась мысль – не подох! И эта мысль позволила ему прийти в себя довольно быстро.

Повезло, это не с ним все произошло, не ему в голову выстрелил тот свихнувшийся пацан, не Головин рухнул, разбрызгивая в стороны кровь. Ему повезло.

Или все-таки повезло напарнику, умершему тогда, в Новогоднюю ночь быстро и безболезненно?

Головину было больно и противно. Он не притрагивался к

небрежно обмотанной голове. Все в нем протестовало против того, что уха нет, что его отрезали. Головин знал, что уха нет, но не хотел еще и убедиться в этом, почувствовать под пальцами болезненную, пульсирующую пустоту. В горячей голове стоял дрожащий звон, как от затухающего в колоколе звука.

Боль то распирала голову, то, отступив в глубь тела, тошнотворно засасывала его мысли и чувства наверх, к ране. Но и это было не так страшно.

Он не справился с кишечником. Даже одна мысль об этом была гадостной. Он...

Конвоиры поржали над этим, потом заставили его снять штаны, обдали ледяной водой из шланга и сунули взамен брюк какие-то брезентовые шаровары.

– Поехали, засранец.

Повязку с глаз у него так и не сняли. Поэтому вся дорога превратилась для него в болезненную тряску и тошнотворное чувство ненависти к себе и тем, кто с ним так поступил. Конвоиры о чем-то переговаривались, смеялись, курили, они не стеснялись его присутствия, и это должно было испугать музыканта еще больше, но...

Но все это было где-то далеко, где-то бесконечно далеко от него, заключенного как в кокон в боль, стыд и страх.

Подохнешь ты в своем кабаке, сказала ему жена. Подохнешь. Не в кабаке, но из-за него. Из-за той проклятой ночи.

Головин не контролировал свои мысли, не сознавал, что

мысленно уже смирился с тем, что умрет. Он уже пережил себя. И уже не боялся смерти.

Он мог только лениво перебирать в голове свое прошлое и стараться не думать о том, как все ЭТО будет происходить.

Он пообещал Крабу, что опознает того человека из ресторана, пообещал, чтобы немедленно прекратился ужас боли и стыда. Сейчас он не был уверен в том, что узнает хоть кого-нибудь из новогодних посетителей. И не был уверен в том, что хочет узнавать кого-нибудь.

Машина резко остановилась, музыканта вытащили из нее и буквально на руках проволокли в какую-то комнату. На улице было холодно, босые еще мокрые ноги словно обожгло. В комнате, как ему показалось вначале, было теплей, но потом он понял, что здесь давно не топили. Пахло подвальной нежилой сыростью.

Головина посадили на стул, лязгнула дверь. Руки связаны не были, но он даже не пытался развязать глаза. Какое-то безумное ледяное пламя медленно охватило все его тело. Босые ноги стояли на раскаленном от холода бетоне и судорога начала медленно скручивать их.

Подохнешь... Головину показалось, что шепот жены откуда-то издалека проникает к нему. Подохнешь... По –дох –нешь. Как слабые удары по ксилофону – по-дох-нешь! Словно капли пота... или крови... Капли.

Где-то просто капает вода. Кап-кап-кап...

Сосредоточившись один раз на этом звуке, Головин боль-

ше уже не мог его не слышать или хотя бы не обращать на него внимания. Звуки становились все громче, вот они заполнили собой весь мир и наотмашь хлестали его по ране. Как, кап, кап...

Исчезло время, только вспышки боли, повинующиеся ритму падающих капель. Боль, боль, боль...

Головин перестал чувствовать холод. Он превратился в глыбу льда, медленно тлеющую с краю.

Исчезло время.

Потом вдруг что-то громко лязгнуло. Дверь, с усилием вспомнил Головин. Когда-то так лязгнула дверь. В комнату кто-то вошел. Щелчок.

Выключатель, узнал Головин, кто-то включил свет.

– Заходи, – сказал чей-то голос, – гостем будешь.

Шаги нескольких человек. И другой голос, недовольный, спросил:

– Куда вы это меня притащили?

Смех. В два голоса. Потом знакомый голос – Краб – коротко:

– К знакомому.

К знакомому, мячиком прыгнуло в голове музыканта и завязло в смертельном равнодушии. Знакомый. Это, наверное тот, кого он должен опознать.

– Я хотел поговорить с твоим хозяином.

– Ты будешь говорить с тем, с кем тебе прикажу я, – это снова голос Краба.

– Да пошел ты!..

– А ты не рви глотку, тут все равно окон нет. Старый винный подвал. Раньше умели строить.

– Слушай, ты, Краб, или как там тебя, Рак! Я тебя суку достану, все равно достану. Ты у меня, бядина, на карачках ползать будешь. Ты на кого, сука, наехал?

Глухой несильный звук, какой-то болезненный выдох, сдавленный стон, и голос Краба:

– Голос побереги. Ты сейчас молчать должен. Сейчас другой говорить будет. А ты у меня заговоришь потом. Запоешь.

– Су... – сдавленный кашель, – сука...

– Еще? – снова звук удара и всхлип.

– Я... я... тебя все равно...

– Посадите его на стул, – приказал Краб, – напротив лабуха.

– Музыканта, – Головин со слабым удивлением понял, что это его голос сказал «музыканта».

– Что?

– Я музыкант, а не лабух.

За спиной у Головина кто-то весело присвистнул:

– Музыкант засранный.

– Снимите с него кто-нибудь тряпку, – с брезгливостью сказал Краб.

Боль вспышкой резанула Головина, от неожиданности он вскрикнул. Открыл глаза и тут же рефлекторно закрыл их руками. Слишком ярко горела под сводчатым потолком боль-

шая лампа без абажура.

– Давай, давай, лабух, пусть глаза отдохнут, – сказал кто-то.

– Я музыкант, – глаза все еще резало, но Головин опустил руки и даже попытался встать.

– Сидеть! – руки с силой опустили его на стул, боль отозвалась в копчике.

– Проморгался? – спросил Краб.

Он стоял справа от Головина, в пол-оборота.

– Что вам нужно? – спросил Головин.

– Тебе что, память отбило? – поинтересовался Краб.

– Он ее высрал с перепугу, – сказал голос от дверей.

– Посмотри внимательно, не этот ли парень стрелял в кабаке, – Краб даже пальцем указал на сидящего в двух метрах от Головина человека.

Какая разница, Головину показалось, что он это подумал, но оказалось, что он сказал это вслух:

– Какая разница?

– Что?

Головин замолчал. Он смотрел на сидящего парня и понимал, что узнал его. Узнал, не смотря ни на что. Это он был одним из тех двоих, которые вдруг вскочили тогда из-за стола и метнулись к двери из зала. Он кричал, чтобы все уходило через кухню. Точно, он.

Странно, но не смотря на тогдашний испуг, на всеобщую панику, но Головин все-таки запомнил его лицо.

Краб присел на корточки возле Головина и посмотрел на него снизу вверх:

– Охуел?

– Еще ухо хочешь отрезать? – спросил Головин.

– Я тебе яйца отрежу, – почти ласково сказал Краб, – я тебе глаза выдавлю.

– И что?

– Отморозился, – прокомментировал кто-то от дверей. По голосу было понятно, что комментатор хотел говорить и дальше, но быстрого взгляда Краба хватило, чтобы он переменял свое намерение.

– Посмотри внимательно и скажи – это он?

Головин был словно во сне, не было ни страха, ни боли. Он словно шагнул за предел и теперь ждал, пока смерть примет его.

Краб выпрямился, с хрустом сжал кулаки:

– Кто там ездил к бабе, Кирилл с Ноликом? Сюда их.

К какой бабе? – подумал Головин. А какая разница? Даже если к его жене... Даже если они привезли его жену. Ничего их уже давно не связывает. Детей так завести и не собрались. Подохнешь, сказала ему жена...

Краб ждал молча. Молчали и все остальные. Головин смотрел в лицо сидевшего напротив парня. Лицо как лицо. Спортивный костюм. Фирменный. Нервничает и почему-то сидит скорчившись, держась за бок. Его ударил Краб. Ну и что, и его тоже ударил Краб.

А потом откуда-то из глубины очень легко вспорхнула мысль, что именно из-за этого парня все беды у него, у музыканта Головина. Ведь это для того, чтобы достать этого парня, заварилась вся эта каша. Из-за него он испытал весь позор и всю боль. Из-за него он должен умереть.

То, что этот парень спас ему жизнь там, в ресторане, уже ничего не значило. Он спас его там от мгновенной смерти только затем, чтобы обречь на нынешние мучения.

Головин словно проснулся. Вот сидит виновник всего. А он почему-то пытается его защитить. Ради чего?

Краб сволочь, убийца. Это понятно и привычно. А вот этот... Он ведь тоже убийца, только притворяется героем и спасителем.

Он притворяется! Это открытие потрясло Головина. Его изуродовали, а этот подонок... Он сидит и спокойно смотрит ему в лицо. Он видит, что сделали с музыкантом и спокойно сидит? Целый и невредимый? Его только пару раз ударили, а он сидит согнувшись, будто смертельно раненный.

Головин улыбнулся и увидел, как вздрогнул парень напротив. Он боится, подумал Головин, и мысль эта показалась ему ужасно смешной.

Как круто он разговаривал с Крабом, как угрожал ему! И он же обещал Крабу отомстить!

Головин тихо засмеялся. Глаза парня расширились, Краб резко обернулся к музыканту:

– Что?

– А ты не боишься, Краб? А если он и вправду тебе отомстит?

Краб приблизился к Головину, тот засмеялся громче:

– Не боишься? Он ведь крутой. Он ведь Солдата замочил. Взял и замочил. А ведь с Солдатом была куча народу. А их было всего трое. Не боишься?

– Это был он? – спросил Краб быстро.

– Он, – Головин захохотал, – он, сволочь, это был. Из-за него все.

Парень побледнел.

– Что уставился? – сквозь спазмы хохота спросил Головин, – думал можешь вот так спокойно нас всех отправлять на смерть?

Головин уже не обращал внимания ни на проснувшуюся боль, ни на слезы, текущие по лицу, ни на кровь, текущую по шее:

– Смотри, Краб, он и тебя отправит на смерть. Ты вначале подумаешь, что он тебя спас, а потом поймешь, что он тебя убил, только очень медленно. Убил чужими руками.

Лицо Краба вытянулось, и это тоже показалось Головину смешным. Головин хохотал, и хохот этот выжигал остатки его рассудка.

– Он все равно тебя убьет. Как Солдата, как меня... Он вас всех убьет! – Головин резко обернулся к стоявшим возле двери людям Краба, – Всех, до единого!

Музыкант вскочил на ноги, и его никто не остановил. Он

ткнул дрожащим пальцем почти в самое лицо Краба:

– Ты подохнешь! Подохнешь!

Резкий удар швырнул Головина к стене – Краб пришел в себя.

– Рот закрой! – но Головин продолжал хохотать, – Рот свой поганый закрой!

Краб ударил ногой в лицо, что-то хрустнуло, хохот пресекался, превратился в утробное бульканье, но не прекратился. Головин не чувствовал боли. Он просто больше не чувствовал боли. Он не почувствовал, как треснула челюсть, как удар обрушился на кровавую рану на месте уха.

Головин продолжал хохотать, когда в подвал вошли Нюлик и Кирилл, он не слышал, как Краб указал на него пальцем и сказал:

– Я хочу, чтобы вы настрогали из него спичек, но так, чтобы он не умер.

Но даже если бы он это и услышал, это не могло остановить его хохота.

Наблюдатель

Он сошел с ума. Свихнулся, двинулся крышей. Обезумел. Игры, говорите, мать вашу? Отдохните, говорите, Сашенька? Гаврилин попытался отвести взгляд от залитого кровью, кривящегося в жуткой гримасе лица и не смог.

Его словно загипнотизировало безумное лицо лабуха. Музыканта, поправил себя Гаврилин, музыканта.

Когда музыкант узнал его, это Гаврилин сразу понял по выражению лица, внутри словно что-то оборвалось. Все, как говорил волк в мультфильме, баста, карапузики, кончились танцы. Разом ушло и напряжение, и желание вести борьбу, доставать Краба и изображать из себя крутого хрена.

Просто смотрел на белое лицо музыканта и ждал, когда прозвучит простое и короткое – «Он». И после этого можно будет просто умирать.

Только вряд ли Краб позволит ему просто умереть.

Музыкант все молчал, а в душе Гаврилина снова вдруг начало все стягиваться в узел. Ушел момент, упустил его Краб.

И когда после странной паузы и странных слов музыкант вдруг Гаврилина сдал, тот уже был снова готов к борьбе. Ну и что, что на него указал изуродованный совсем недавно мужик. Что с этого? Поцелуй меня в задницу.

– Настрогайте из него спичек, – сказал Краб двум вошедшим в подвал.

Зачем? Он же все уже сказал, он уже указал на Гаврилина. Правда, сделал он это так, что мороз по коже пробежал не только у Гаврилина. Все в подвале, даже Краб, вздрогнули и попятились от хохочущего музыканта. И удары Краба были всего лишь демонстрацией его страха, ирреального страха перед пророчеством безумного.

И теперь Гаврилин не мог оторвать от него глаз. Вошедшие занялись музыкантом. Занялись музыкантом. Занялись музыкантом. Занялись...

Твою мать, они... Гаврилин почувствовал, как к горлу подступила тошнота. Тот из пришедших, что был постарше, работал методически, спокойно. Руки его не дрожали и он не отвлекался по сторонам. Второй, обмылок лет двадцати, вел себя так, будто воровал что-то у лежащего на полу.

Время от времени он вздрагивал, нервно косился по сторонам и на своего напарника.

В горле у лежащего клокотало, тело изгибалось, и все в комнате понимали, что это не попытки вырваться, не реакция на боль. Это – смех.

Краб закурил, затянулся и тут же отбросил сигарету в угол.

– Да держи ты его крепче, Нолик, – не выдержал наконец старший, – руки не от туда повырастали!

– Да дергается как... – пожаловался Нолик.

По его лицу стекал пот, но руки были заняты, вытереть было нечем.

Гаврилин видел как капли пота с лица Нолика падают на лицо музыканта и его замутило.

– Голову ему держи.

– Да, – Нолик прижал руки лежащего к полу своими коленями.

– Ну?

– Да кровь тут, – Нолик махнул рукой, испачканной кровью, и алые капли веером ударили в каменную кладку стены.

– Блин, – Краб шарахнулся в сторону, вытирая лицо ладонью, – ты что делаешь?

Нолик совсем запаниковал, развел руки, и музыкант смог приподняться. Он обнял склонившегося над ним и прижался тем, что еще недавно было его лицом, к лицу своего учителя.

Одного из стоящих возле выхода парней стошнило, он схватился за лицо, метнулся к выходу, сразу за порогом его вырвало.

– Кирилл! – взвыл Нолик.

– Сам знаю, что Кирилл, – сквозь зубы ответил Кирилл, с усилием отдирая от себя руки музыканта. – Держишь ты его или нет?

– Держу.

– Да крепче держи, тварь безрукая.

– Красиво? – неожиданно Краб обернулся к Гаврилину.

Гаврилин не смог ответить ничего. Ничего. Он боролся с комком в горле. Нравится?

– Хочешь, я тебе его глаз подарю? – спросил Краб и не оборачиваясь сказал, чуть повысив голос, – Кирилл, сделай нашему гостю глаз. Тебе правый или левый?

Гаврилин отвел наконец взгляд от крови:

– Зачем?

– Что?

– Зачем вы его так?

– А ты ведь молчал... Как там мой заказ?

– Сейчас, сейчас, – ответил Кирилл и заорал на Нолика, – кожу, кожу отодвинь, мудака.

– Стараются люди, – сказал Краб, вынул из кармана носовой платок и тщательно вытер лицо.

А руки дрожат, отметил автоматически Гаврилин. Дрожат. И вовсе не от возбуждения.

– Зачем вы его? – снова спросил Гаврилин.

– А ты хотел чтобы тебя?

– Вам же не он нужен!

– Нам нужен тот, кто организовал разборку в кабаке.

Нолик взвизгнул.

– Убью, падла, – закричал Кирилл.

– Что там у нас? – спросил Краб.

– Глаз...

– Что ж ты, Кирилл, уже и глаз целым достать не можешь? – с отеческим укором спросил Краб.

Еще один из зрителей метнулся к выходу.

– Не получится мне тебя глазом побаловать, – сказал

Краб, наклонившись к самому лицу Гаврилина, – лопнул глазик. А второй вынимать неудобно. Понимаешь, человек с одним вынутым глазом – это ужас. А с двумя – просто инвалид. Ну бог с ним, с глазом.

Краб похлопал Гаврилина по плечу и обернулся к Кириллу:

– Займитесь пальчиками. Молоток в углу. И принесите кто-нибудь тряпку – мастерам утереться.

Гаврилин сглотнул.

– Ты что-то побледнел, – сказал Краб.

Удержаться, подумал Гаврилин. Удержаться.

Отошедший в угол комнаты Нолик вернулся, раздался звук удара, глухой и какой-то скользкий.

– Точнее бей, фраер!

Удар и хруст, как по ветке возле костра.

Еще удар. И не прекращающийся клокочущий звук хохота. Невнятный и от того еще более жуткий.

– Да он же все равно ничего не чувствует! – сказал Гаврилин.

– А это и не важно, – Краб положил руку на плечо Гаврилину, – важно что ты все это чувствуешь. Знаешь, раньше для принцев всяких держали мальчиков для битья. Этих мальчиков били за проступки принцев. И на принцев это сильно действовало. Ты у нас принц?

– Ублюдок.

– Может быть. А ты мне больше ничего не хочешь ска-

зать?

– Сволочь.

– Ногу! – сказал Краб, и через секунду кость громко хрустнула от удара молотка.

– Я это был, в кабаке, оставьте его в покое!

– Кто был с тобой? – спросил Краб.

– Я это был... Я... Я... – стены подвала стремительно раздвинулись, полыхнули черным огнем.

... – я это был, – прошептал Гаврилин.

Он уже не сидел на стуле, щекой он ощущал шершавый бетон, медленно подползала к мозгу боль от ран и от ушибленного лица.

Он упал в обморок. Как последняя девчонка. Как...

– Воды принесите ведро, – голос Краба откуда то издадека, – вы пока отдохните, ребята.

Краем глаза Гаврилин заметил, как два силуэта выпрямились и отошли к двери.

Краб тоже вышел из подвала.

Гаврилин перевернулся на живот, резануло в боку, но Гаврилин сдержал стон. Нельзя ему сейчас привлекать к себе внимание.

Тошно. Гаврилин пополз. Медленно, чертовски медленно. Успеть.

Рука скользнула по крови. Держаться!

Музыкант был жив. Гаврилин мельком глянул на шевелящиеся губы и тут же отвел взгляд.

Не вышло с глазиком, сказал Краб. Сволочь.

Сволочь.

Молоток они оставили. Оставили инструмент на рабочем месте. Лучше бы нож.

Гаврилин встал на колени, взял в руки молоток. Увесистый кусок металла на крепкой деревянной ручке.

Музыкант что-то прошептал, совершенно невнятно из-за сломанной челюсти и крови.

Гаврилин наклонился к самому его лицу.

– ... всех... у... убьет... всех... – он так и не понял услышал это или только примерещилось.

Успеть. Больше он не выдержит. Гаврилин напрягся, попытался набрать в легкие воздуха, но ребра обожгло огнем.

Не тянуть, не тянуть, иначе он этого никогда не успеет сделать.

От двери что-то крикнули. Увидели. Гаврилин взмахнул молотком и ударил. Изо всех сил. Изо всех оставшихся сил.

Он не имел права промахнуться. Ни потому, что на второй удар просто не хватило бы сил, ни потому, что не хотел продлевать мучений музыканта.

Височная кость под молотком треснула. Гаврилин потерял равновесие и упал. Мир снова исчезал в черном водовороте, кто-то рванул тело Гаврилина в сторону, но Гаврилин, теряя сознание, знал, что успел. Смех музыканта прервался.

Успел, мелькнуло в мозгу, и вслед за этим прошелестело: «Убьет, всех убьет».

Пустота

Если охранники клиники не соврали – а они не соврали, в этом Хорунжий был уверен – если охранники не соврали, то Гаврилина увез Краб. Самолично прибыл и увез.

При этом еще зачем то набил рожу охраннику. И не ему одному. И не только рожу.

Сам по себе факт вопиющего нарушения обычаев и правил. Значит, были у Краба веские аргументы. Настолько веские, что смог он убедить в своей правоте даже Хозяина.

Об этом можно подумать и позже, решил Хорунжий. Заодно попытаться увязать с этой загадкой и еще пару открытий, сделанных в клинике. И попытаться их использовать.

Помимо всего прочего, Хорунжий был специалистом по использованию подручных средств. В свое время он прошел неплохую подготовку в искусстве выживания в любых условиях и с применением любых подручных средств – камней, насекомых и людей. Люди в качестве подручных средств были наиболее эффективными, но и наиболее трудно используемыми.

С водителем белой девятки Хорунжий поступил просто и рационально – развязал его, перевел из БМВ в жигули, приказал сесть за руль и очень аккуратно вырубил, предварительно извинившись за попорченное лобовое стекло.

Можно было, конечно, мужика и не бить, он был слишком

напуган чтобы идти куда-либо жаловаться, но правила Хорунжий всегда выполнял неукоснительно. Если, конечно, не возникала необходимость правила послать ко всем чертям.

– Стекло лучше совсем выбей, – посоветовал Хорунжий водителю, прежде чем вырубить, – скажешь, кто-то камнем в стекло бросил.

– Хо... – кивнуть водитель также не успел.

Теперь, согласно правилам, нужно сообщить вверх по инстанции о случившемся. Хорунжий взглянул на часы и покачал головой – на все переезды и вызов членов своей группы он потратил довольно много времени, но было все еще чертовски рано беспокоить начальство. И тем не менее...

У начальства такая работа, быть готовым к внезапным сообщениям от подчиненных. Вот такие вот пироги.

Хорунжий, не сбавляя скорости, вынул из кармана сотовый телефон и набрал номер. Судя по всему – начальство спит. Ясное дело – половина пятого. Всем очень хочется спать.

– Да? – наконец отозвался телефон.

– Григорий Николаевич? – спросил Хорунжий, прекрасно понимая, что никто другой трубку взять не мог. Просто имя было своеобразным паролем.

– Слушаю Вас.

– Это Михаил.

– Да, Миша.

– У Саши, похоже, обострение.

– Очень серьезно?

– К нему приезжал консультант...

– И что посоветовал?

– Он его взял с собой. Я полагаю – на процедуры.

Григорий Николаевич помолчал.

– Миша...

– Да, Григорий Николаевич?

– Вы через сколько сможете быть на месте нашей прошлой встречи?

– Минут через пятнадцать буду возле памятника.

– Я там буду через двадцать минут, – сообщил Григорий

Николаевич и повесил трубку.

Хорунжий выключил свой телефон и плавно остановил машину. Задумчиво посмотрел на памятник. Таким образом у него есть возможность минут пятнадцать понаблюдать за обстановкой.

Зачем Хорунжий соврал начальнику, он и сам не знал. Рефлекс. Григорием Николаевичем познакомился только два дня назад, сомнений в его полномочиях не было, но...

Хорунжий не был любопытным, он был осторожным.

Машину отогнал за угол и поставил в глубокой арке проходного двора. Сам вышел на тротуар и неторопливо двинулся в сторону памятника. Под ногами слабо похрустывали замерзшие за ночь лужи. Асфальт отсвечивал белым в свете редких фонарей.

Приморозило, подумал Хорунжий и решил, что подня-

тый воротник в такой ситуации будет выглядеть вполне естественно.

К памятнику он разумеется не пошел. Рано. Он еще едет на машине и будет здесь всего лишь за пять минут до приезда Григория Николаевича. Площадь пустая: ни тебе машин, ни тебе пешехода. Как и положено. Возле одиноко торчащего пальца памятника, Хорунжий будет смотреться очень живописно. Если Григорий Николаевич... Или кто-нибудь другой, это для Хорунжего особого значения не имело, решит для чего-нибудь предпринять какие-нибудь действия...

Хорунжий улыбнулся – трепаться с самим собой он любил не особенно, потому что неизбежно приходил к подобным громоздким конструкциям.

Из-за поворота вынырнула пошарпанная «волга» и не торопясь проехала по окружности площади. Такси. Ищет клиента. Хорунжий отступил в тень козырька над подъездом.

«Волга» исчезла за поворотом.

Номер один, подумал Хорунжий и посмотрел на часы.

Через три с половиной минуты с другой улицы на площадь въехал «джип», тоже не торопясь. Этот остановился возле скверика за памятником.

Номер два, отметил Хорунжий. Из «джипа» вы шли два человека и очень деловым шагом двинулись в разные стороны по периметру площади.

Главное, сказал себе Хорунжий, любить свою работу. Вот как я. Вот как здесь не заработать паранойю? И воспаление

легких.

Хорунжий посмотрел на часы – через пару минут пора уже и ему прибыть на место встречи. Или постараться приехать одновременно с Григорием Николаевичем?

Хорунжий осторожно скользнул вдоль стены. Спокойно. Ребята, только не нужно психовать, если заметите. А еще лучше – не замечайте. Не нужно.

Вот и славно, подумал Хорунжий, добравшись до своей машины. Поехали.

Вот мы подъезжаем. Площадь совершенно пустая. «Джип» загнали за деревья, пешеходы прикинулись теньями где-то справа и слева.

Теперь остановимся возле памятника. И будем ждать.

Прошлый раз Григорий Николаевич приехал на «вольво». И всего лишь с одним водителем. И Хорунжий разведку местности не проводил.

На этот раз – Хорунжий присвистнул – начальство идет пешком. Не торопясь.

– Здравствуйте, Григорий Николаевич, – сказал Хорунжий, подождав, пока тот устроится на сидении возле него.

– Доброе утро. Давайте потихоньку проедемся вокруг площади.

Машина тронулась.

– Подробности.

– Около трех часов мне кто-то позвонил. По мобильному. Я ответил, но на той стороне промолчали и отключились, –

Хорунжий сделал паузу, но собеседник его не перебивал. – Я попытался дозвониться Гаврилину, но мне сообщили, что абонент вне зоны связи. Я выехал в клинику.

Григорий Николаевич продолжал слушать молча.

– За пятнадцать минут до моего приезда, Краб вывез из инфекционного отделения своего человека и Гаврилина.

– Кого он вывез? – нарушил наконец молчание Григорий Николаевич.

– Никиту Клоуна.

Григорий Николаевич кивнул:

– Что-то еще?

– По словам охранника, Краб избил его и напарника. А потом предложил одному из них перейти в его группу.

– Тот согласился?

– Да.

– Как вы представились охранникам?

– Никак.

– А если у кого-нибудь возникнут вопросы по вашему поводу?

– Не возникнут. Объяснить?

– Пока не нужно. Что вы предполагаете делать?

– Искать.

– Варианты уже наметили?

– Да, – Хорунжий ответил намеренно коротко, не вдаваясь в подробности. Если собеседник захочет узнать подробнее – спросит.

Григорий Николаевич не спросил.

– Работайте, – сказал он после минутного раздумья, – я тоже приму некоторые меры. Если понадобится поддержка – звоните.

– Хорошо, – кивнул Хорунжий, – вас где посадить?

– Возле памятника.

– Поближе к «джипу»? – не удержался Хорунжий, внимательно рассматривая дорогу впереди.

Пауза. Потом Григорий Николаевич хмыкнул. Через секунду засмеялся:

– Вот и играй после этого в шпионов. А я шел по улице пешком, мерз!

– Бывает, – согласился Хорунжий и остановился возле памятника.

– Удачи, – сказал Григорий Николаевич, выбираясь из машины.

– Удачи, ответил Хорунжий.

Какой демократичный, с чувством юмора у них начальник, подумал Хорунжий, выезжая с площади. Просто хочется прослезиться от умиления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.